

ДОМОЙ НА ШЕСТЬ СОТОК

СЕРГЕЙ ЛISOV

Сергей Лисов

Домой на шесть соток

<https://litres.ru/74636393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Медсестра Марина Белова возвращается из областного города в родной посёлок и обнаруживает, что дом детства больше не может принять её без спора. Восемнадцать дачных соток принадлежат трём родственницам, но за тридцать лет их жизнь разошлась с бумагами: сосед Геннадий построил дом и мастерскую, общий проезд оказался за его воротами, а взрослая дочь Марины рассчитывает на обещанные деньги от продажи доли.

Чтобы получить собственную комнату, Марине придётся провести границы не только по земле. Она должна сохранить чужой дом, вернуть доступ к колодцу, признать право родственниц говорить за себя и перестать оплачивать материнскую любовь обещаниями, которые требуют от дочери вернуться. «Домой на шесть соток» — семейный роман о цене устных договорённостей, взрослом выборе и доме, который начинается не с прошлого, а с честно признанного своего и чужого.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Ключ от старой калитки	6
Глава 2. Три кухни	22
Глава 3. Койка у окна	46
Глава 4. Дашины деньги	66
Глава 5. Проезд к колодцу	87
Глава 6. Слова прежних хозяев	105
Глава 7. Восемнадцать соток	126
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Сергей Лисов

Домой на шесть соток

От автора

Домой часто возвращаются не туда, откуда уехали. Дом остаётся на прежнем месте, яблоня переживает ещё одну зиму, родственники помнят, какая кружка была твоей, — и всё же за годы меняются дорожки, замки, привычки и право говорить «здесь всегда было так».

Эта история — о земле, которой пользовались по-семейному: без точных границ, с устными разрешениями и уверенностью, что близкие потом договорятся. Пока места хватает, такая жизнь кажется удобной. Настоящий спор начинается, когда одному человеку негде жить, другой уже построил дом, третьему нужен безопасный проезд, а четвёртый рассчитывал на деньги, которых ещё нет.

Здесь нет задачи выбрать самого достойного владельца. У каждого героя есть вложения, нужда и своя версия прежних договорённостей. Но ни прошлый труд, ни родство, ни забота не дают права незаметно распорядиться чужой долей или чужим будущим.

Марина привыкла помогать людям руками: проверить назначение, поставить капельницу, заметить слабость, позвать

врача. Дома ей предстоит освоить более трудную помощь — не делать за другого тот выбор, который кажется ей правильным.

Глава 1. Ключ от старой калитки

Ключ вошёл в замок только до половины.

Марина прижала плечом коробку с посудой, пошевелила ключ вверх-вниз и попробовала ещё раз. Калитка была та же: зелёная краска облупилась у петли, нижний угол цеплял землю, над столбом торчал ржавый обрезок проволоки. Но замок висел новый, чёрный, с жёлтой наклейкой на дужке.

Она поставила коробку на сухую траву. За спиной урчал фургон. Водитель держал локоть в открытом окне и смотрел, как будто от этого замка зависело, придётся ли ему разгружать вещи на улице.

— Не ваш ключ? — спросил он.

— Моя калитка.

Марина сразу услышала, как это прозвучало. Калитка не была её. У неё была доля участка, записанная в выписке вместе с долями тёти Нины и Светланы. Калиткой пользовались все, кто ходил от дороги к старому дому. В детстве Марина сама красила её зелёным после восьмого класса, а Генка Котов держал банку и мазал забор там, где ей было высоко.

— Позвоню, — сказала она.

Водитель пожал плечами и заглушил двигатель.

Нина Павловна не ответила. Светлана сбросила звонок, потом прислала сообщение: «На уроке. Что случилось?» Марина написала про замок и сразу увидела две серые галочки,

но ответа не получила.

Через сетку она разглядела участок. Дорожка от калитки стала уже. Слева вдоль забора стояли старые яблони, справа вместо грядок тянулась стена из светлого профлиста. За ней гудел станок. В глубине виднелась крыша тётиного дома, тёмная после весенних дождей.

Марина позвала:

— Тётъ Нин!

Станок замолчал не сразу. Потом хлопнула дверь, и из-за нового забора вышел Геннадий. Он стал шире в плечах, чем Марина помнила, волосы поседели на висках. На нём был синий рабочий комбинезон и защитные очки, поднятые на лоб.

— Приехала, — сказал он.

— Приехала. Открой.

Геннадий посмотрел на фургон, на коробку у её ног и снова на Марину.

— Надолго?

— Жить.

— Нина не сказала.

— Я ей звонила вчера. А тебе должна была?

Он не ответил. Достал из нагрудного кармана связку и открыл замок маленьким серебристым ключом.

— Старый заедал, — объяснил он. — Зимой вообще не закрывался. Я поменял.

— А ключи кому дал?

— Нине два. Свете один. Тебя не было.

— Теперь я есть.

Геннадий снял замок, но калитку не распахнул. Сначала отодвинул к стене мастерской узкую тележку с двигателем от газонокосилки. Потом поднял с дорожки электрический провод и повесил его на гвоздь.

— Фургон сюда не войдёт, — сказал он.

— Раньше машина проходила до дома.

— Раньше мастерской не было.

Марина посмотрела вдоль дорожки. Светлый забор скрывал постройку, но крыша с прозрачными листами выступала к проходу. Между углом мастерской и старой теплицей оставалось меньше двух метров.

— Куда разгружать?

— У калитки. Донесём.

— Кто — мы?

— Я помогу.

Водитель вышел из кабины и открыл задние двери. В фургоне стояли пятнадцать коробок, два чемодана, разобранная кровать, узкий шкаф, стиральная машина и холодильник. Это была вся жизнь Марины после двадцати лет съёмных квартир, если не считать зимней одежды у Даши и книг, которые она отдала больничной библиотеке.

— До дома заказывали, — сказал водитель.

— Дом там, — ответила Марина.

— Проезда нет.

— Есть дорожка.

— Для холодильника дорожка узкая. И ступени.

Геннадий снял очки и вытер лоб рукавом.

— Холодильник пока можно ко мне в гараж. Потом решим.

— Я привезла его не к тебе.

— Тогда оставляй на улице.

Он сказал спокойно, без угрозы. От этого Марина разозлилась сильнее. Двадцать лет назад Генка приходил к ним за водой, потому что его колодец пересыхал. Мать Марины давала ему лестницу и таз для раствора, когда он ставил первую летнюю кухню. Теперь он стоял по другую сторону нового замка и предлагал хранить её холодильник как чужую вещь.

Из глубины участка показалась Нина Павловна. Она шла медленно, опираясь на палку, но без платка, хотя ветер был холодный.

— Маришка! — крикнула она. — Я телефон на зарядке оставила.

Марина прошла через калитку и обняла тётю. От её кофты пахло дымом и укропом. Нина прижалась щекой к плечу племянницы, потом отступила и оглядела вещи.

— Всё привезла?

— Всё.

— Значит, правда.

— Я вчера сказала.

— Мало ли что говорят. Ты уже два раза собиралась.

Первый раз Марина собиралась после развода, но Даша заканчивала девятый класс. Второй — когда в областной больнице сократили отделение, однако ей предложили место в дневном стационаре. Теперь хозяйка продала квартиру, новую аренду требовали сразу за три месяца, а в Липовом освободилась постоянная ставка. Возвращение стало не намерением, а фургоном с открытыми дверями.

— Где поставим? — спросила Нина.

— Машина не проходит.

— А чего ей проходить? Раньше у калитки всё разгружали.

— Раньше папа подъезжал к крыльцу.

Нина нахмурилась, будто пыталась вспомнить не дорогу, а человека за рулём.

— Тогда теплицы не было.

— И мастерской, — добавила Марина.

Геннадий взял первую коробку.

— Давайте не будем держать машину. За простой с вас возьмут.

Он понёс коробку по дорожке, не дожидаясь разрешения. Водитель посмотрел на Марину. Она кивнула, и они начали разгружать.

Коробки проходили легко. Шкаф пришлось нести боком. У теплицы доска настила прогнулась, и водитель выругался. Геннадий принёс два коротких бруска, подложил под ножки, показал, куда ступать. Работал он быстро и не оправдывался.

Стиральную машину поставили в сенях. Кровать занесли в маленькую комнату, где раньше спала Маринина мать. Там стоял старый диван, стол под клеёнкой и три мешка с зимними яблоками, уже мягкими у плодоножек.

— Я думала, ты летом начнёшь, — сказала Нина. — Не успела освободить.

— Сегодня конец апреля. Почти лето.

— Ночью минус обещают.

В комнате было холоднее, чем на улице. Марина провела ладонью по батарее. Чугун оставался ледяным.

— Котёл выключен?

— Я топлю свою половину печкой. Газ дорогой. В твою комнату дверь закрывала.

Марина открыла форточку. Пахнуло сырой землёй. Под подоконником вздулись обои.

— Просушим, — сказала она.

— Конечно. Генка обогреватель даст.

— У меня свой.

Она не хотела брать у Геннадия даже розетку, но холодильник всё-таки поставили в его гараже. Между мастерской и теплицей он не проходил, а нести его по ступеням втроем водитель отказался: слишком велик риск уронить. Марина записала на телефоне, что холодильник принят без вмятин, и сфотографировала дверцы.

Геннадий заметил.

— Думаешь, разберу на запчасти?

— Думаю, потом никто не будет вспоминать, какая цар-
пина была раньше.

— В городе так научили?

— На работе.

Он хотел что-то ответить, но водитель позвал подписать накладную. Марина проверила число мест и время окончания разгрузки. За двадцать семь лишних минут пришлось доплатить. Она перевела деньги и смотрела, как фургон уезжает по разбитой улице.

На обочине осталась вмятина от колеса. У калитки лежал старый ключ, который она машинально положила на столб. Теперь это был просто кусок металла.

— Дубликат сделаю завтра, — сказал Геннадий.

— Сегодня.

— Мастерская до шести. Я занят.

— Мне завтра на работу к семи тридцати. Как я выйду?

— Изнутри замок открывается тем же ключом. Нина даст свой.

— А она останется без ключа?

— У неё два.

Нина махнула рукой.

— Один на гвоздике, один в кармане. Бери который на гвоздике.

Марина промолчала. Она вернулась не в гости, но первый вечер начинался с чужого запасного ключа.

Они пили чай в кухне старого дома. Нина поставила на

стол варенье из чёрной смородины, нарезала хлеб и достала из холодильника масло. Её холодильник был маленький, старый, с жёлтой ручкой. Дверца закрывалась только после сильного толчка.

— Твой в гараже не испортится, — сказала тётя. — Там сухо.

— Дело не в сырости.

— А в чём?

— Я не могу занести свои вещи к своему дому.

— Занесли же.

— Холодильник не занесли.

Нина намазала масло на хлеб. Рука у неё дрожала, но нож держала уверенно.

— Генка мастерскую зимой утеплил. Заказов много. Молодец, не пьёт, работает.

— Я не спрашивала, пьёт ли он.

— Ты приехала и сразу на забор смотришь. А он мне снег чистил. В январе трубу отогрел. Света только звонит.

— Я тоже звонила.

— Звонила.

Марина услышала паузу. Тётя не упрекала, просто разделяла звонок и трубу. В стационаре Марина сама говорила родственникам пациентов: «Позвонить — хорошо, но лекарство нужно забрать до пяти». Теперь ей хотелось объяснить, почему два года не удавалось приезжать чаще четырёх раз за лето. Смены, Дашина учёба, аренда, электрички. Все причи-

ны были настоящими и всё равно не отогревали январскую трубу.

— Я теперь здесь, — сказала она.

— Вижу.

— Устроилась в поликлинику. Приказ подписан. Завтра первая смена.

Нина оживилась.

— К Людмиле Аркадьевне?

— Она старшая. Дневной стационар на втором этаже.

— Там капельницы?

— И уколы. Люди приходят на несколько часов.

— Хорошо. Не ночами.

— Не ночами.

Марина пока не сказала, что ставка была меньше городской, а доплата за стаж зависела от документов, которые отдел кадров ещё запрашивал. Но зарплаты хватало на еду, коммунальные расходы и постепенный ремонт комнаты, если не платить аренду.

Телефон завибрировал. Даша написала: «Доехала? Покажи, куда всё поставили».

Марина включила видеосвязь. Дочь ответила из офиса, в наушниках, на фоне серой перегородки.

— Я на пять минут, — сказала она. — Потом совещание.

Марина показала кухню, Нину Павловну, коробки в коридоре.

— Комната?

Она прошла туда. Даша увидела вздутые обои и мешки с яблоками.

— Мам, ты серьёзно будешь там жить?

— Просушу. Покрашу. Кровать соберём.

— Кто соберёт?

— Я. Геннадий поможет, если нужно.

При имени Геннадия Нина подняла голову, но ничего не сказала.

— А холодильник где? — спросила Даша.

Марина повернула телефон к пустому месту у стены.

— Пока в соседском гараже. Проход узкий.

— Какой проход?

— Потом объясню.

— Мам, у тебя опять «потом». Документы на долю нашла?

— В синей папке.

— Выписка свежая?

— Осенняя.

— Для оценки нужна новая. Я присылала ссылку.

Марина посмотрела на тётю. Нина медленно размешивала сахар, хотя всегда пила чай без него.

— Даш, я только приехала.

— Я не тороплю сегодня. Но ты сама сказала: весной решаем, продаёшь долю или Светлана выкупает. Мне в июне надо понимать сумму.

— Поговорим вечером.

— Мы сейчас говорим.

— При Нине не хочу.

Тётя поставила ложку на блюдце.

— А чего при мне нельзя? Земля общая.

Даша услышала.

— Здравствуйте, Нина Павловна. Я не про вашу часть.

Про мамину.

— На бумаге часть мамина, а где она — никто не мерил.

Марина закрыла глаза. Она хотела сначала распаковать форму, выспаться, пройти первый рабочий день, а уже потом доставать выписки и старый план. Даша не была виновата в том, что их прежний разговор продолжался независимо от фургона и нового замка.

— Вечером позвоню одна, — сказала Марина. — Не пропаду.

— Хорошо. Только не реши, что раз ты вернулась, продажа сама отменилась.

Связь прервалась. Марина положила телефон экраном вниз.

Нина отпила чай.

— Она квартиру покупает?

— Хочет первый взнос внести.

— Пусть приезжает сюда. Дом большой.

— Ей здесь не нужна комната.

— Всем нужна комната.

— Не всем в Липовом.

Нина обиделась не на Дашу, а на устройство мира, в ко-

тором свободная комната могла не считаться подарком.

После чая Марина стала разбирать вещи. Белые халаты повесила отдельно, обувь поставила в коробке у двери. Аптечку открыла и проверила сроки, хотя собирала её неделю назад. Привычные действия возвращали порядок.

В синей папке лежали свидетельство о наследстве после матери, выписка, старый план товарищества и квитанции. На плане прямоугольник участка был разделён карандашом на три полосы. Маринина мать подписала одну буквой «М», Нинину — «Н», Светину — «С». По этому рисунку мастерская Геннадия стояла снаружи, на соседнем участке. В действительности она начиналась сразу за общей калиткой.

Марина вышла с планом во двор.

Геннадий снова работал. Через открытую дверь мастерской она увидела верстак, стеллаж с двигателями, красный компрессор. Постройка была не временным сараем. Бетонный порог, утеплённые стены, новый водосток. За мастерской возвышалась крыша его дома, которого с дороги почти не было видно.

— Ген, — позвала Марина.

Он выключил станок.

— Что?

— Где граница твоего участка?

— Началось.

— Я спросила.

— По старому забору. Только забора давно нет.

— На плане мастерской здесь нет.

— План какого года?

Марина посмотрела на штамп. Две цифры расплылись, но в углу стоял год, когда Даше было четыре.

— Старый.

— Я строил позже. С твоей матерью и Ниной всё обсудили.

— Что именно обсудили?

— Что вы этим куском не пользуетесь, а мне нужен въезд и место под работу. Я за это воду провёл, столбы поставил, дорогу отсыпал.

— Письменно?

— Есть расписки.

— О продаже?

— Не о продаже. Никто тогда землю не делил. Жили нормально.

Он снял перчатки и положил их на верстак.

— Ты первый день приехала. Не успела кровать собрать, уже границы ищешь.

— Потому что мой ключ не открыл калитку.

— Я поменял замок, а не отнял калитку.

— Для меня разница появилась только после того, как ты вышел и открыл.

Геннадий помолчал. Потом взял со стены связку и снял маленький серебристый ключ.

— На. Мой запасной. Завтра сделаю себе.

Марина протянула руку, но он не отпустил ключ сразу.

— Только закрывай. У меня инструмент на двести тысяч.

— Я умею закрывать двери.

— В городе, может, умеешь. Здесь Нина оставляет открытым.

Марина дёрнула ключ на себя. Геннадий разжал пальцы.

— Холодильник завтра с ребятами перенесу через заднюю дверь мастерской, — сказал он. — Там шире, если снять створку забора.

— Это проход к дому?

— Это мой двор.

— Значит, чтобы занести мою вещь, мне нужно твоё разрешение.

— Пока да.

Он снова надел перчатки. Разговор был закончен не потому, что они договорились, а потому, что у него стоял разобраный двигатель и заказчик должен был прийти к вечеру.

Марина вернулась к старому дому. Ключ нагрелся в ладони. Он открывал калитку, но не отвечал, чья дорожка за ней и почему путь к собственному крыльцу теперь проходил через чужое разрешение.

До темноты она собрала кровать сама. Один винт не подходил, и пришлось закрепить ножку старым мебельным уголком из тётиного ящика. Нина принесла чистое бельё и электрический обогреватель. Комната медленно нагревалась, на окне выступил пар.

В девять Марина позвонила Даше. Дочь не ответила, прислала: «Поздно. Завтра».

Марина набрала длинное сообщение о замке, мастерской и старом плане, перечитала и стёрла. Если рассказать сейчас, Даша услышит одно: обещанная продажа стала сложнее. Если промолчать, получится ещё одно «потом».

Она написала: «Доехала. Доля никуда не исчезла, но фактических границ нет, а часть прохода занята постройкой. Покажу свежую выписку и узнаю порядок съёмки. Денег и сроков пока не обещаю».

Ответ пришёл через минуту: «Вот это и надо было сказать».

Марина положила телефон на подоконник.

За стеной Нина кашлянула и открыла печную дверцу. Со стороны мастерской дважды ударил металл, потом стало тихо. Последняя электричка прошла за дальними домами, дрогнули стёкла.

Перед сном Марина вышла проверить калитку. Новый ключ повернулся легко. Она открыла замок, вышла на улицу и закрыла его снаружи, затем повторила всё обратно. Работало.

Старый ключ всё ещё лежал на столбе. Марина взяла его и положила в карман. Выбрасывать не стала. Не из надежды, что он снова подойдёт, а чтобы помнить: вещь может оставаться знакомой после того, как перестала открывать дверь.

Утром ей предстояло надеть чистый халат, принять лекар-

ства по накладной и отвечать за каждую запись в процедурном журнале. После смены она собиралась заказать новую выписку на землю.

Возвращение домой состоялось. Всё остальное ещё требовало подтверждения.

Глава 2. Три кухни

Утром Марина нашла свою кастрюлю на чужой плите.

Она проснулась без будильника в пять сорок, несколько секунд смотрела на незнакомый потолок и только потом вспомнила, где лежит выключатель. Обогреватель всю ночь щёлкал, нагоняя тепло, но пол оставался холодным. За стеной тётя Нина уже двигала заслонку печи. В кухне звякнула крышка, зашумела вода.

Марина надела халат поверх футболки, сунула ноги в тапки и вышла. На газовой плите стояла её маленькая эмалированная кастрюля с синей каёмкой. Нина разбила туда два яйца, добавила молока и мешала вилкой.

— Яичницу будешь? — спросила она.

— Буду. Только это моя кастрюля.

— Теперь знаю.

— Она в коробке была.

— Я распаковала кухонное. Всё равно тебе некогда.

На столе лежали ложки Марины, её разделочная доска и пакет кофе, который она берегла на первые рабочие дни. Коробка из-под посуды стояла у печи, аккуратно сложенная. Нина ничего не присвоила. Она просто вернула вещам назначение раньше, чем Марина успела решить, где они будут лежать.

— Тётъ Нин, давай мои коробки я сама разберу.

— Так я помочь хотела.

— Я понимаю. Просто сама.

Нина поставила перед ней тарелку.

— Ешь, сама.

Обида прозвучала почти весело, но Марина заметила, как тётя убрала свою ложку с края стола в ящик. Кухня была Нинина не по документам и даже не по комнате. Она знала, какая конфорка тухнет от сквозняка, где лежит соль, какой стул шатается и сколько воды нужно налить в чайник, чтобы не выбило пробки одновременно с обогревателем.

Марина выключила обогреватель перед тем, как включить фен. Потом надела белую куртку под плащ, проверила ключ от калитки и вышла во двор.

У мастерской уже горел свет. Геннадий поднял ворота наполовину и выкатил наружу газонокосилку. Из трубы его дома шёл дым. Между домом и мастерской стояла небольшая летняя кухня из тёмного бруса, которой Марина вчера не заметила. В окне двигалась женщина в красном свитере. Она открыла дверь, выплеснула воду из миски под смородину и увидела Марину.

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Вы Марина?

— Да.

— Я Лариса, жена Гены. Мы один раз виделись, давно.

Марина вспомнила свадьбу Светланы, душный зал поселковой столовой и молодую женщину с высокой причёской. Тогда Лариса только переехала в Липовый.

— Холодильник ваш включили, — сказала Лариса. — Там удлинитель надёжный. Если продукты есть, несите.

— Спасибо. Сегодня перенесём.

— Гена сказал, створку снимет.

Лариса говорила так, будто холодильник уже был общей задачей, а не следствием узкого прохода. У неё за спиной кипел чайник, на подоконнике лежала буханка, возле двери стояли резиновые сапоги трёх размеров. Кухня была тесной, но тёплой. Оттуда пахло поджаренным хлебом.

— Вы всё время здесь живёте? — спросила Марина.

— Шестой год. Дом утеплили — и перебрались. В квартире сын остался, ему до техникума ближе.

Геннадий заглушил косилку.

— Марин, ключ подошёл?

— Подошёл.

— Я после обеда холодильником займусь.

— Я на работе до четырёх.

— С Ниной занесём.

— Без меня не надо.

— Он пустой.

— Всё равно дождитесь.

Геннадий посмотрел на жену. Лариса сняла полотенце с плеча и стала вытирать мокрую миску, хотя на ней уже не было воды.

— Дождёмся, — сказала она.

Марина пошла к калитке. До автобусной остановки было

двенадцать минут быстрым шагом. На полдороге она поняла, что не спросила у тёти, будут ли вечером свободны плита и стол. В городской квартире такой вопрос не приходил в голову: кухня шла вместе с арендой, даже если шкафы в ней принадлежали хозяйке.

В поликлинике день начался с приёмки лекарств. Старшая медсестра Людмила Аркадьевна показала шкаф, холодильник для препаратов и журнал температур. Марина переписала номера серий, проверила срок на коробках и дважды пересчитала ампулы. К одиннадцати заняли все восемь коек. За окном висели голые ветки лип, а на подоконнике у дальней койки лежала прозрачная папка с результатами анализов.

Работа оказалась знакомее дома. Здесь каждая вещь имела место, каждая запись — строку. Если пациент переходил на другую койку, менялся номер в листе назначений. Если родственник приносил лекарство, медсестра не ставила его в общий шкаф без подписи. Никто не говорил: мы тридцать лет так делали, значит, это моё.

В обед Марина посмотрела сообщение от Светланы: «В пятницу приеду. Ты мою пристройку не занимай, пожалуйста. Там постель и вещи».

Марина ответила: «Не занимаю. Живу в маминой комнате».

Через минуту пришло новое: «Она теперь Нинина по пользованию. Мама тебе долю оставила, а комнаты не дели-

ли».

Марина перечитала фразу. По пользованию. Слова звучали почти официально, хотя за ними не было ни одного листа с подписями.

Она написала: «Давай в пятницу посмотрим всё вместе».

Светлана поставила поднятый палец.

После смены Марина купила хлеб, молоко, курицу и пачку гречки. В хозяйственном взяла два крючка, удлинитель и маленький навесной замок для шкафа с документами. Потом пожалела о последней покупке: тётя увидит замок и решит, что от неё прячут бумаги. Но оставлять выписку рядом с квитанциями на столе она тоже не хотела.

У калитки стояла незнакомая синяя машина. Багажник был открыт, на траве лежали сумки, складной стол и рулон садовой сетки. Из летней пристройки вышла Светлана в короткой куртке и домашних шлёпанцах.

— Я раньше освободилась, — сказала она вместо приветствия. — Решила не ждать пятницы.

Они обнялись неловко, боком, потому что обе держали пакеты. Светлана забрала у Марины хлеб.

— Ты похудела.

— На два килограмма.

— Всё равно похудела. Пойдём, я чайник поставила.

— У Нины?

— У себя. Я газ привезла.

Летняя пристройка примыкала к старому дому с южной

стороны, но вход был отдельный, через маленькую веранду. Когда-то отец Марины хранил здесь инструменты и банки. Потом дядя Володя, Светин отец, пристроил окно, обшил стены вагонкой и поставил диван. Теперь в первой комнате стояли электрическая плитка, узкий холодильник и мойка с ведром под сливом. Над столом висели кружки на крючках.

— Вода откуда? — спросила Марина.

— Из шланга. Летом Гена подключает. Сейчас из канистры.

Светлана зажгла маленькую горелку, прикрученную к туристическому баллону.

— Это опасно в комнате.

— Я проветриваю.

— Баллон должен быть снаружи.

— Марин, я здесь пятнадцать лет чай кипячу.

— От этого газ безопаснее не стал.

— Ты один день дома, а уже всем назначения выдаёшь.

Светлана улыбнулась, но горелку убавила. Марина поставила продукты на стол.

— Курица общая. Нине тоже.

— Тогда не сюда. У меня холодильник до завтра выключен.

Они отнесли пакет в старый дом. Нина сидела у окна и перебирала фасоль. На столе рядом с её миской уже лежала Светина колбаса, а под лавкой стояла коробка с банками.

— Вы обе на одну кухню всё тащите, — сказала Нина. —

А потом мне искать, чьё.

— Я хотела ужин приготовить, — ответила Марина.

— Света блины затеяла.

— Я чай затеяла, — возразила Светлана. — Блины ты сама придумала.

— А чего тогда муку привезла?

— Мука моя здесь с осени.

Нина показала на банку в шкафу.

— Там моя.

— У тебя в пакете, тёть Нин. В банку я пересыпала, чтобы мыши не съели.

Они спорили без злости, точно устанавливая происхождение муки. Марина открыла холодильник. На верхней полке стояли тётнины банки, на средней — Светины йогурты, на нижней лежало масло Марины. Она не клала его туда: Нина перенесла из коробки.

— Давайте разделим полки, — предложила Марина.

— Зачем? — спросила Нина. — Всё видно.

— Сейчас нас трое. Будем знать, кто что купил.

— Я твоё не ем.

— Я не про это.

— А про что?

Светлана вынула из холодильника йогурт и посмотрела срок.

— Разделить можно. Только летом места всё равно не хватит.

— У тебя свой холодильник.

— Маленький. И электричество я тяну от дома.

— За электричество ты платишь? — спросила Марина.

Вопрос выскочил раньше, чем она успела придать ему спокойный тон.

Светлана положила йогурт обратно.

— Я покупаю два баллона газа, оплачиваю интернет Нине и каждую осень привожу машину дров. Гена платит за насос и дорогу. Ты до сегодняшнего дня платила налог на свою долю. Хотим прямо сейчас посчитать?

— Не хотим, — сказала Нина. — Ужинать хотим.

Марина достала курицу и разделочную доску. Светлана заняла плиту блинами. Нина поставила на свободную конфорку кастрюлю для картошки. Третьей конфорки не было: две правые не работали уже несколько лет. Марина подождала, потом взяла курицу обратно.

— Приготовлю позже.

— Позже я холодец поставлю, — сказала Нина.

— В восемь?

— Он всю ночь варится.

Светлана перевернула блин.

— Пожарь у Гены. У Ларисы четыре конфорки.

Марина решила, что сестра шутит, но та смотрела серьёзно.

— Почему я должна готовить у Геннадия?

— Не должна. Просто у них удобно.

Нина кивнула.

— Лариса зимой у меня капусту тушит, я у неё пироги пеку. Если духовка нужна.

На одном участке было три кухни. Нинина считалась главной, потому что стояла в старом доме и работала круглый год. Светина была отдельной, пока хватало воды в канистре и газа в маленьком баллоне. Котовы жили у себя, но их большая плита становилась общей, когда требовалась духовка. Ни одна граница не совпадала с тем, что Марина видела в выписке.

Она убрала курицу на нижнюю полку и нарезала хлеб. За стол сели вчетвером: Геннадий пришёл на запах блинов, принёс банку сметаны и без спроса занял стул у окна. Лариса осталась у себя — ждала звонка сына.

— Холодильник после ужина занесём, — сказал Геннадий.

— Куда? — спросила Светлана.

— В сени.

— Там мой шкаф весной стоит.

— Сейчас шкафа нет.

— Я завтра его привезу.

Марина посмотрела на сестру.

— Какой шкаф?

— Пластиковый, для садовой одежды. Он всегда в сенях с мая.

— Холодильник тоже должен где-то стоять.

— Раньше твоя мама держала его в комнате.

— Я не буду спать рядом с холодильником.

— Тогда в кухню, — предложила Нина.

— Куда в кухню? — одновременно спросили Марина и Геннадий.

Он указал вилкой на тумбочку у стены.

— Если её убрать, встанет.

— В тумбочке посуда, — сказала Нина.

— Посуда половина не нужна.

— Тебе не нужна, а мне нужна.

Геннадий пожал плечами и свернул блин трубочкой.

— Тогда решайте.

Марина почувствовала, что именно это он ей и говорил со вчерашнего дня: решайте у себя, а пока вещь будет у меня. Его гараж оказывался единственным свободным местом не потому, что ему принадлежало больше земли по бумагам, а потому, что он раньше остальных построил стены вокруг своего порядка.

— Поставим в маминной комнате до лета, — сказала она.

— Кровать не откроется, — ответила Светлана.

— Ты была там?

— Сегодня посмотрела.

— Без меня?

— Дверь открыта. Я за своим пледом заходила.

— Какой плед в моей комнате?

— Не в твоей, а в тётки Валиной бывшей. Плед мой, я его

осенью оставила.

Марина положила нож. Комната, в которой она ночью мёрзла, была маминой для неё, тёти Валиной для Светы и свободной для Нины, когда туда требовалось убрать яблоки. Если сейчас спросить, какая часть старого дома соответствует её доле земли, никто не ответит. Но каждый скажет, где должен лежать его плед.

— Давайте после ужина пройдем весь участок, — сказала она. — Не делить. Просто посмотрим, кто чем пользуется.

Геннадий перестал жевать.

— Зачем?

— Чтобы я понимала, куда вернулась.

— Ты здесь выросла.

— За двадцать лет многое изменилось.

— Ходить вокруг сараев и записывать?

— А что в этом плохого?

— Смотря что потом делать с записью.

Светлана встала за новой порцией блинов.

— Гена, ей всё равно придётся увидеть. Мастерскую в карман не спрячешь.

— Я ничего не прячу.

— Тогда пройдем, — сказала Марина.

Нина отказалась: болело колено. Она осталась мыть тарелки, хотя Марина просила оставить посуду ей. Геннадий ушёл предупредить Ларису, будто обход требовал допуска на режимную территорию. Светлана накинула куртку, взяла фо-

нарик и повела сестру от крыльца.

— Вот старый дом, — сказала она. — Нина живёт в двух комнатах и кухне. Валина комната твоя по привычке, но вещи там общие. Вторая маленькая заперта, там зимние заготовки.

— Чья вторая?

— Ничья. Дед там спал.

— Значит, общая.

— Если слово нравится.

С южной стороны стояла Светина пристройка с верандой. Перед ней тянулись три грядки, накрытые чёрным материалом.

— Это я делаю, — сказала Светлана. — Клубника, зелень, огурцы. Я землю завозила.

— На старом плане здесь мамина полоса.

— На старом плане пристройки тоже нет. Её мой папа строил с твоим папой.

— Я не отбираю.

— Пока нет.

За грядками росли две яблони. Одна была старая, с дуплом, другая молодая, подвязанная к колышку.

— Молодую я посадила, — сказала Светлана. — Сорт «Мечта». Гена яму бурил.

— А старая наша. Папа прививал.

— Ваша — это чья?

Марина не ответила. Она помнила, как отец приносил ве-

точку в мокрой газете, как мать держала лестницу, а они со Светой ждали первого яблока. Тогда слово «наша» не требовало списка людей.

Дальше начиналась теплица Нины. Поликарбонат позеленел у земли, одна секция была заклеена скотчем. Дверь выходила прямо на узкий проход между теплицей и мастерской.

— Теплицу Нина покупала? — спросила Марина.

— Половину она, половину Гена. Он собирал. Помидоры Нинины, но Лариса поливает, когда жарко.

— А урожай?

— Кто собирает, тот и берёт. Нина всем даёт.

— Очень точное правило.

— Зато работает.

За теплицей стоял колодец под низкой крышей. К нему вели две дорожки: одна от старого дома, другая от кухни Котовых. На бетонном кольце висели два ведра — синее пластиковое и оцинкованное. Насосная труба уходила под землю в сторону Геннадиева дома.

— Насос его? — спросила Марина.

— Его. Электричество тоже. Но воду берут все.

— А сам колодец?

— Дед копал с Котовым-старшим. Тогда оба участка ещё не были оформлены.

Геннадий догнал их у колодца. Лариса шла следом, застывшая жилет.

— Насос я ставил, — сказал он. — Трубы менял дважды. Кольца чистил прошлой осенью.

— Никто не спорит, — ответила Марина.

— Ты спрашиваешь, чьё.

— Я спрашиваю, кто чем пользуется.

— Колодцем пользуются все. За обслуживание плачу я, потому что мотор у меня в доме.

— Почему мотор у тебя?

— Потому что у Нины зимой трубы замерзали. Провели по короткому пути.

Он показал ногой линию через землю. Короткий путь пересекал место, где на карандашном плане была средняя полоса. Марина попыталась представить трубы, заборы и комнаты друг поверх друга. Получалась не карта, а клубок.

Они обошли мастерскую. С задней стороны створка профлиста держалась на двух болтах. За ней открывался двор Котовых: дом с крыльцом, летняя кухня, навес для машины, поленница. Всё стояло близко, но ухоженно. Дорожки были посыпаны щебнем, под крышей висели инструменты, у стены лежали ровными стопками доски.

— Здесь раньше картошка была, — сказала Марина.

— До того как вы перестали сажать, — ответил Геннадий.

— Мама сажала до болезни.

— Последние три года четыре грядки оставались. Потом бурьян. Я сначала косил, потом Валентина Петровна разрешила поставить сарай.

— Мастерскую.

— Сначала сарай. Потом утеплил.

Лариса открыла дверь кухни.

— Мы не за один день всё заняли, Марина. Двадцать лет спрашивали. Тут сарай сгнил — Гена разобрал. Тут помойка была — вывезли две машины. Нине одной тяжело, Света приезжает летом. Пустое место тоже кто-то содержит.

— Содержать не значит владеть, — сказала Марина.

— А владеть из города — значит?

Геннадий резко повернулся к жене.

— Ларис.

— Что «Ларис»? Она ходит и смотрит, будто мы ночью забор передвинули.

Марина увидела на крыльце детские резиновые сапоги. Наверное, внуки. На верёвке сушилась рабочая одежда. У стены стояла миска с собачьей водой, хотя собаки она не видела. Это был не захваченный пустырь, а чужой двор, сложившийся на месте, которое Марина продолжала помнить своим.

— Я не говорю, что вы ничего не сделали, — ответила она.

— Я говорю, что не понимаю, где заканчивается сделанное с разрешения и начинается земля, которой вы пользуетесь как своей.

— А ты думаешь, мы понимаем? — спросила Лариса. — Когда строились, твоя мама сама сказала: «Ставьте ближе к дороге, нам там не надо». Потом понадобился проезд — Ге-

на отсыпал. Потом Света теплицу захотела — подвинули дорожку. Все соглашались. Только никто не чертил.

— Поэтому теперь мой холодильник нельзя занести к дому.

— Занести можно. Через наш двор.

— С вашего разрешения.

— Через любую калитку входят с чьего-то разрешения.

— Через общую я должна входить по ключу.

Геннадий потёр ладонью подбородок.

— Про холодильник я понял. Снимем створку сейчас.

— Дело уже не только в нём.

— Конечно, не в нём. Ты продавать собралась.

Марина посмотрела на Светлану. Та отвела фонарик к земле.

— Даша сказала Нине, Нина мне, — пояснила она. — Здесь ничего долго не скрывается.

— Я ещё ничего не решила.

— Но оценивать будешь, — сказал Геннадий. — Вот и оценивай с тем, что тут дом стоит. Я его не брошу.

— Я не просила бросать дом.

— Пока.

Слово повисло между ними. Марина могла бы пообещать, что никто не заставит его сносить мастерскую или дом. Но она не знала, имеет ли право обещать это от имени Нины и Светланы. Она уже написала Даше, что не обещает денег до съёмки. Теперь пришлось применить то же правило к чело-

веку, которого считала противником.

— Я не буду обещать того, чего не знаю, — сказала она.
— Ни тебе, ни Даше. Сначала разберёмся, что есть.

— Вот оно есть, — Геннадий обвёл рукой дом, кухню и мастерскую. — Можешь записать.

Они вернулись к холодильнику. Геннадий принёс ключи, открутил болты и вместе с Ларисой отнёс створку к стене. Открылся проход шире, чем между мастерской и теплицей. Чтобы попасть к старому дому, надо было пересечь весь двор Котовых, обойти поленницу, выйти к колодцу и только оттуда повернуть на дорожку.

Марина протёрла ручки холодильника. Геннадий взялся снизу, Светлана придерживала дверцу ремнём, Марина и Лариса несли с боков. На щебне холодильник качнулся. Все четверо одновременно сказали: «Стой».

Они остановились возле летней кухни Котовых. Из открытой двери шёл тёплый свет. На плите кипел суп, на столе лежали нарезанные овощи. Лариса быстро выключила конфорку и вернулась.

— Дальше у колодца ступенька, — предупредила она. — Не спешите.

Холодильник поставили в сенях старого дома, где Светлана собиралась поставить шкаф. Он вошёл в угол с запасом в несколько сантиметров, но перекрыл половину окна и дверцу нижней полки стеллажа.

— До мая постоит, — сказала Светлана.

— А в мае?

— Решим.

— В мае он меньше не станет.

— И шкаф не станет.

Нина вышла на шум с полотенцем в руках.

— Хорошо встал. Розетка рядом.

— Здесь провод старый, — сказал Геннадий. — Компрессор включится — греться будет.

— Ты же удлинитель давал, — напомнила Нина.

— Удлинитель мой в гараже лежал на отдельном автомате.

Здесь проводка алюминиевая.

Марина сняла плащ.

— Значит, не включаем, пока электрик не посмотрит.

— У меня курица, — сказала Нина.

— Она в твоём холодильнике.

— Там тесно.

Светлана рассмеялась первой. За ней Лариса. Даже Геннадий усмехнулся. Марина не хотела, но тоже улыbnулась. Они вчетвером протащили тяжёлую вещь через чужой двор, чтобы обнаружить, что у неё нет безопасной розетки. В этом было больше правды об участке, чем в старом плане.

Геннадий пообещал утром позвонить знакомому электрику. Потом ушёл к супу. Лариса забрала у Нины две пустые банки — вернуть летом с огурцами. Светлана принесла из машины пластиковый шкаф и оставила его в разобранном виде у стены, заранее обозначив майское право на сени.

Марина всё-таки приготовила курицу после того, как Нина поставила холодец на малую конфорку. Сковороду пришлось двигать каждые несколько минут: пламя справа горело сильнее. Светлана ушла ночевать в пристройку, унесла две тарелки и половину блинов. Нина переложила себе кусок курицы, а косточки завернула для соседской собаки.

— У них собака есть? — спросила Марина.

— Есть, старый Бим. В доме спит. Лариса его в холод не выпускает.

— Я миску видела.

— Миска летом Нинина была, — сказала тётя и засмеялась своей шутке.

После ужина Марина освободила одну полку в кухонном шкафу. Переложила Нинины крупы наверх, предварительно спросив. На нижнюю поставила кофе, гречку и две кружки. На дверцу приклеила бумажную полоску с буквой «М».

— Будто в общежитии, — заметила Нина.

— На первое время.

— Свете тоже букву напишешь?

— Если захочет.

— Она не захочет. Она свою кружку всё равно здесь оставит.

Марина села за стол со старым планом. Не стала рисовать границы. Вместо этого на обороте аптечной ведомости записала: старый дом — Нина круглый год, Марина с апреля, Светины вещи и общие заготовки; пристройка — Светлана с

весны до осени; мастерская, дом и кухня — Котовы; теплица — Нина, деньги и работа Геннадия, полив Ларисы; колодец — все, насос Геннадия; проезд — один, но сужен; второй путь — через двор Котовых.

Нина заглянула через плечо.

— Напиши ещё яблони.

— Какие?

— Все. Старая твоя, молодая Светина, две дальние Генка лечил, а антоновка ничья. Её ещё до нас посадили.

— А яблоки чьи?

— Кто успел, того и яблоки. Только антоновку мы делим на варенье.

Марина дописала яблони.

— И компост, — напомнила Нина. — Света туда траву бросает, а перегной Гена забирает.

— Почему он?

— Он яму сделал.

Марина записала и компост. Лист быстро заполнялся. Каждая вещь имела отдельную историю: кто купил, кто поставил, кто чинил, кто привык пользоваться и кто считал, что разрешение действует до сих пор. Из этих историй складывался порядок. Не законный и не обязательно справедливый, но живой.

Телефон зазвонил в половине десятого. Даша.

— Как первый день? — спросила она.

— На работе хорошо. Дома сложно.

— Геннадий что-то сделал?

— Нет. Мы участок обошли.

Марина пересказала про три кухни, теплицу, колодец и проход через двор Котовых. Даша слушала молча.

— Получается, мамина доля занята? — спросила она.

— Получается, никто не знает, где именно мамина. Есть общая собственность и привычные места пользования.

— Но продать долю можно.

— На бумаге — можно. Что купит человек вместе с ней, пока непонятно.

— Землю купит.

— Третью в праве на землю. А пользоваться где будет? В Нининой кухне? На Светиных грядках? За мастерской Геннадия?

— Это уже покупатель разберётся.

Марина посмотрела на тётю. Нина сидела у печи и делала вид, что не слушает.

— Нет, Даш. Я не хочу продать проблему человеку и сказать: разбирайтесь сами.

— А я не хочу ещё пять лет ждать, пока вы договоритесь, чья яблоня.

— Я понимаю.

— Ты всё время понимаешь, а потом выбираешь тех, кто рядом.

— Ты тоже рядом.

— Я в ста километрах. Поэтому мне достаётся то, что

останется после кухни, Геннадия и тёти Нины.

Марина не стала отвечать быстро. Даше было двадцать семь, но в этой фразе слышалась девочка, которая ждала мать после ночной смены и знала, что чужому пациенту та не выключит телефон.

— Я не отказываюсь от нашего разговора, — сказала Марина. — Но сегодня увидела, что продать просто цифру не получится. Закажу выписку. Потом узнаю, кто может снять фактическое положение построек и проходов.

— Срок скажи.

— На этой неделе закажу выписку. Остальное — когда узнаю стоимость и порядок.

— Хорошо. Запиши, а то забудешь.

— Уже записала.

После звонка Нина поднялась и подбросила полено в печь.

— Не продавай чужому, — сказала она.

— Почему чужому?

— Придёт, забор поставит. Скажет, кухня его, потому что по бумаге угол попал. Или колодец закроет.

— Ты сама говорила, где моя часть, никто не мерил.

— Вот пусть и не меряют. Живём же.

— Тётъ Нин, я сегодня курицу два часа приготовить не могла.

— Из-за этого землю делить?

— Не из-за курицы. Из-за того, что у каждого есть своё правило, а узнаёшь о нём, когда ставишь кастрюлю или хо-

лодильник.

Нина закрыла печную дверцу.

— Правила людьми держатся, не бумагой.

— Люди меняются. Мама умерла. Дядя Володя умер. Я уехала. Геннадий построил дом. Даша выросла. А разрешения остались такими, как будто все стоят во дворе и могут подтвердить, о чём говорили.

— Гена подтвердит.

— Своё. Света — своё. Ты — своё. Я даже своё не всё помню.

Нина долго смотрела в огонь через щель. Потом взяла со стола лист и прочла записи.

— Про дальнюю яблоню неправильно. Генка только одну лечил. Вторую Володя обрезал.

Марина исправила. Тётя вернула лист.

— Записывай, раз приехала.

Перед сном Марина прошла в сени. Холодильник стоял тёмный и пустой. За ним через окно было видно край Светиноного разобранного шкафа. Дальше, за стеной мастерской, горело окно кухни Котовых. Лариса мыла посуду, Геннадий вытирал тарелки и ставил их на полку.

В старом доме Нина раскладывала по трём банкам оставшиеся блины: себе, Свете на утро и Котовым за сметану. Она делила еду без мерки, по памяти, и ни разу не ошиблась, кому сколько вернуть.

Марина положила лист с записями в синюю папку, но не

заперла шкаф. Маленький навесной замок оставила в пакете.

За один день она увидела не восемнадцать соток, а три кухни, четыре способа хранить продукты, две дороги к одному дому и десятки старых обменов, которыми люди заменяли договор. Если потянуть за одну нитку, отзовётся всё: вода, свет, грядки, яблоки, дрова и место для чужой кружки.

Но не тянуть тоже было решением. Тогда самый быстрый, самый нужный и самый уверенный занимал свободное место, а отсутствующему оставался старый ключ.

Марина выключила свет в сенях. Завтра холодильник всё ещё нельзя было включать. Зато теперь она знала почему — и это было первым точным знанием о доме, куда она вернулась.

Глава 3. Койка у окна

На койке у окна лежала женщина, которая не собиралась лежать.

Она сидела поверх покрывала в пальто, прижимала к груди сумку и смотрела на стойку для капельницы так, будто её поставили нарочно загородить выход.

— Антонина Сергеевна? — спросила Марина.

— Я. Только мне быстро. Автобус в одиннадцать двадцать.

— Быстро лекарство не пойдёт. В назначении девяносто минут.

— В прошлый раз за сорок минут сделали.

— Кто?

— Девушка молодая. Светленькая.

Марина попросила снять пальто и показала крючок у кровати. Антонина Сергеевна не двинулась.

— Если за сорок нельзя, я домой пойду. Мне козу выпустить.

— Можно отказаться. Тогда я позову врача, он объяснит, что будет без лечения.

— Пугать будете?

— Нет. Запишем, что вы решили после объяснения.

Женщина посмотрела на соседние койки. Там уже устроились трое пациентов: мужчина читал газету, две женщины

обсуждали цены на рассадку. Никто не торопился. Антонина Сергеевна сняла пальто.

— А автобус?

— Следующий в два десять.

— Откуда знаете?

— Я на нём вчера ехала.

— Вы новая?

— Третий день.

— Тогда откуда знаете, как мне лекарство ставить?

Марина улыбнулась.

— Это я не третий день делаю.

Она сверила фамилию, дату рождения и назначение, попросила пациентку назвать лекарство, если та помнит. Потом обработала руки и подготовила систему. В городской больнице стойки были на колёсах, здесь — тяжёлые, с облупившейся белой краской. Койка у окна стояла слишком близко к батарее, и Марине приходилось обходить тумбочку боком. Но вена нашлась сразу. Антонина Сергеевна отвернулась только в момент укола, а потом стала следить за каплями.

— Медленно, — сказала она.

— Как назначено.

— На козу опоздаю.

— Позвонить некому?

— Соседке. Только она потом полведра молока попросит.

— Полведра дешевле, чем пропустить лечение.

— Вы городская, сразу всё деньгами меряете.

Марина поправила скорость и записала время начала. Спорить про город она не стала.

У окна было холоднее, чем в глубине палаты. Из рамы тянуло, и штора шевелилась, хотя форточка была закрыта. Марина подложила валик под руку пациентки и принесла второе одеяло.

— Вы бы койку отодвинули, — сказала Антонина Сергеевна.

— Проход станет узким.

— А так людям дует.

— Посмотрим после процедур.

Людмила Аркадьевна слышала последние слова, остановилась у двери и кивнула Марине в коридор.

— Койки не двигаем, — сказала она тихо. — Пожарный проход проверяли в марте. Там сантиметры рассчитаны.

— От окна тянет.

— Заявка у завхоза. Раму обещали заменить летом.

— Можно уплотнитель наклеить.

— Можно. Если купят.

Марина посмотрела на старшую медсестру. Та была невысокой, с короткими седыми волосами и быстрыми руками. За три дня Марина ни разу не видела, чтобы Людмила Аркадьевна сидела дольше минуты.

— Я куплю, — сказала Марина.

— Не начинай.

— Что?

— Покупать отделению мелочи на свою зарплату. Сегодня уплотнитель, завтра чайник, потом шторы. Напиши заявку. Если не сделают, напomini. Своим кошельком чужой порядок не чини.

Марина хотела сказать, что уплотнитель стоит двести рублей. Но вспомнила купленные крючки, удлинитель и замок, который так и лежал в пакете. Любую неудобную вещь было проще оплатить самой, чем ждать согласования. Только тогда никто, кроме неё, не узнавал настоящую цену порядка.

Она написала номер койки и причину в журнал заявок.

К десяти часам пришли ещё два пациента. Одна женщина забыла направление, мужчине назначили препарат, которого не оказалось в шкафу. Марина звонила врачу, уточняла замену, успокаивала родственницу в коридоре и одновременно следила за Антониной Сергеевной, которая каждые пять минут пыталась ускорить капельницу колесиком.

— Ещё раз тронете — остановлю и позову врача, — сказала Марина.

— Да я чуть-чуть.

— Чуть-чуть здесь нет. Есть назначенная скорость.

Антонина Сергеевна убрала руку под одеяло.

В половине двенадцатого процедура закончилась. Женщина успела на следующий автобус и перед уходом положила на стол два яблока.

— Не возьму, — сказала Марина.

— Это не плата. Всё равно мягкие.

— Тогда домой несите, козе.

Антонина Сергеевна засмеялась и забрала яблоки.

После неё койка у окна осталась пустой на двадцать минут. Марина сменила бельё, протёрла тумбочку и снова почувствовала сквозняк. В щель между рамой и подоконником входил уголок листа назначений. Она отметила это для заявки и не стала заклеивать окно пластырем, хотя рулон лежал в верхнем ящике.

Людмила Аркадьевна принесла папку.

— Отдел кадров прислал твой стаж. Всё подтвердили. Надбавка будет с этого месяца.

— Вся?

— Вся. И постоянную ставку директор подписал. Испытательный срок три месяца, но договор бессрочный.

Марина вытерла руки и взяла лист. В городской больнице она проработала почти двадцать лет, но последние два года переходила с места на место: закрыли терапевтическое отделение, дневной стационар объединили с другим корпусом, потом предложили временную ставку на время декрета. Здесь зарплата была ниже, зато слово «бессрочный» стояло там, где она давно отвыкла его видеть.

— Распишись на последней странице, — сказала Людмила Аркадьевна. — Один экземпляр твой.

Марина прочитала всё, включая обязанности и основания увольнения. Старшая не торопила.

— С жильём устроилась? — спросила она, когда Марина поставила подпись.

— Пока у тёти.

— В старом доме на Садовой?

— Знаете его?

— Я к Нине Павловне на уколы ходила после операции. Там зимой холодно.

— Печь есть.

— Печь в её половине. В дальней комнате наружная стена сырая. Валентина, твоя мама, поэтому на зиму в большую перебиралась.

Марина подняла глаза.

— Она мне не говорила.

— Чего говорить? Топила весь дом, пока могла. Потом сэкономила. Ты же приезжала летом.

Людмила Аркадьевна забрала папку.

— До октября думай. Здесь осень короткая. Сегодня тепло, а потом неделя дождей — и всё.

До октября оставалось пять месяцев. Вчера это казалось почти годом. После слов старшей медсестры срок сжался до одного отопительного сезона.

В обед Марина открыла банковское приложение. Постоянная ставка давала ей право рассчитывать доход, но не увеличивала его. После коммунальных расходов, продуктов и дороги оставалось немного. Если ремонтировать комнату — менять проводку, сушить стену, проверять печную трубу, —

деньги на помощь Даше уходили в дом. Если продавать долю, сначала требовалось понять, что продаётся. Снимать квартиру в Липовом было дешевле города, но тогда само возвращение теряло единственное материальное преимущество.

Она записала три суммы на обороте кассового чека: зарплата с надбавкой, обязательные расходы, остаток. Ни одна не решала вопрос к октябрю.

В палату вошёл пожилой мужчина в расстёгнутой куртке.

— Мне на капельницу.

— Фамилия?

— Шумилов.

Марина проверила список.

— Вы записаны на завтра.

— В регистратуре сказали сегодня.

— Сегодня все койки заняты.

— Вон у окна пустая.

Койка действительно пустовала: следующий пациент опаздывал. Но препарат Шумилова требовал наблюдения, а его карта оставалась у врача.

— Она свободна только до часу. Ваша процедура дольше.

— Я быстро полежу.

— Так не получится.

Мужчина повысил голос. Из коридора заглянула его жена, стала подтверждать, что им далеко ехать. Марина позвонила врачу, потом в регистратуру. Выяснилось, что дату исправили в бумажном талоне, но не перенесли в журнал дневного

стационара.

Людмила Аркадьевна нашла складную кушетку в смотровой, врач изменил порядок приёма, Марина подготовила место. Шумилов получил лечение, но из-за перестановки двое сотрудников задержались после смены.

— Видишь, — сказала старшая, когда они убирали кушетку. — Один человек ручкой исправил число, а остальным пришлось двигать стены.

— В городе то же самое.

— Везде то же. Только у нас людей меньше, и каждая ошибка виднее.

Марина подумала о карандашных буквах на старом плане. Человек провёл три линии, другой построил сарай, третий подвёл воду, и теперь всем предстояло двигать не кушетку, а стены.

После смены она не пошла сразу домой. В поликлинике на первом этаже работал хозяйственный отдел. За столом сидел мужчина в вязаном жилете и заполнял ведомость.

— По окну заявка, — сказала Марина. — Дневной стационар, койка у окна.

— Знаю. Рам нет.

— Пока рам нет, можно уплотнить?

— Можно.

— Когда?

Мужчина перелистнул журнал.

— На следующей неделе мастер выйдет.

— Запишите срок.

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Вы новая?

— Да.

— Все новые сначала сроки просят.

— А старые?

— Старые знают, что мастер один.

— Я тоже теперь знаю. Как его зовут?

— Виктор Петрович.

— Когда он выйдет?

— Во вторник.

— Я зайду во вторник.

Мужчина вздохнул и написал дату возле заявки.

На улице было неожиданно тепло. Марина дошла до рынка, купила термометр для комнаты и дешёвую тетрадь. У продавца печных принадлежностей спросила, сколько стоит осмотр трубы и чистка дымохода. Тот назвал цену и дал номер мастера.

— Дом какой? — спросил продавец.

— Старый, деревянный. Печь кирпичная.

— Если трещины, осмотр отдельно. Не топите до проверки.

— Там тётя топит каждый день.

— Тогда тем более.

Марина позвонила Нине прямо от прилавка.

— Тётъ Нин, печь когда чистили?

— Генка осенью смотрел.

— Трубочист или Геннадий?

— Какой ещё трубочист? Гена с крыши ёршом прошёл.

— Трещины проверяли?

— Нет там трещин.

— Откуда знаешь?

— Я возле неё живу.

Марина договорилась, что вечером осмотрит кладку, но топить запрещать не стала. Нина всё равно не послушалась бы, а ночью обещали три градуса.

У дома стоял белый фургон электрика. В сенях работал мужчина лет сорока в налобном фонаре. Геннадий держал крышку распределительной коробки, Светлана светила телефоном.

— Наконец пришла, — сказала она. — Решаем, как холодильник подключить.

— Без меня начали?

— Только смотрим, — ответил Геннадий.

Электрик спустился со стремянки.

— Розетка на одной линии с кухней и вашей комнатой. Обогреватель плюс холодильник — много. Автомат старый, может не отключиться вовремя.

— Что нужно?

— От щитка отдельный кабель, новый автомат, розетку с землёй. Щиток у вас на веранде.

— Сколько?

Он назвал сумму за материалы и работу. Марина прибавила её к печному мастеру и мысленно вычла из остатка заработной платы.

— Делайте, — сказала она.

— Погоди, — вмешалась Светлана. — Кабель по моей стене пойдёт.

— По наружной, — пояснил электрик. — В коробе под потолком.

— А потом я захочу пристройку обшить.

— Обойдём сверху.

— За чей счёт переносить, если мне мешает?

Марина посмотрела на сестру.

— Сейчас он нужен для общего дома.

— Холодильник твой.

— Розетка останется дому.

— Дому или твоей комнате?

Электрик снял налобный фонарь.

— Вы сначала между собой решите. Я в машине подожду пять минут, потом у меня другой заказ.

Он вышел. Геннадий поставил крышку на подоконник.

— Можно через мою мастерскую кинуть, — сказал он. — Там новый щиток.

— Нет, — ответила Марина.

— Почему? Быстрее и дешевле.

— Потому что тогда мой холодильник снова зависит от твоей мастерской. Выключишь автомат — у меня всё поте-

чёт.

— С чего я выключу?

— Не ты. Поломка, ремонт, продажа дома — неважно.

Питание старого дома должно идти от старого дома.

— Тогда со Светой договаривайся.

Светлана скрестила руки.

— Я не против кабеля. Я хочу, чтобы было написано: если мешает ремонту моей пристройки, переносим за общий счёт.

— Какой общий счёт?

— Наш: твой, мой, Нинин.

Нина появилась в дверях кухни.

— Меня не впутывайте. Мне холодильник не нужен.

— Твой тоже на старой линии, — сказала Марина.

— Сорок лет работает.

— И проводка сорок лет работает, пока не загорится.

Нина побледнела.

— Не каркай.

— Я не каркаю. Я хочу сделать безопасно.

— Тогда плати сама, — сказала Светлана. — А про перенос потом не говори, что мы обещали.

Пять минут заканчивались. Марина достала новую тетрадь, написала на первой странице дату и одну фразу: «Кабель к розетке в сенях оплачивает Марина; при ремонте Светиной пристройки перенос обсуждается отдельно, заранее согласия на общий счёт нет».

— Так подходит?

Светлана прочла.

— Добавь, что короб крепят без повреждения вагонки.

Марина добавила. Светлана расписалась, потом протянула ручку Марине. Нина отказалась подписывать, Геннадий усмехнулся.

— Уже договоры на розетку.

— Именно с розетки всё и начинается, — ответила Марина.

Электрик вернулся. Работал до темноты. Кабель провели над дверью пристройки, не касаясь вагонки, автомат подписали словом «сени». Марина сфотографировала щиток и чек. Холодильник включили в девять вечера. Он загудел, лампочка внутри загорелась.

— Теперь курицу переносить? — спросила Нина.

— Через четыре часа, когда охладится.

— Ночью я не встану.

— Утром.

Нина пожала плечами. Для неё вся затея закончилась работающей белой коробкой, которая загородила окно.

Марина поставила термометр в своей комнате. Было семнадцать градусов при включённом обогревателе. На влажной стене у плинтуса проступало тёмное пятно. Она надавила пальцем: обои были холодные, но сухие снаружи.

— Людмила сказала, мама зимой сюда не заходила, — произнесла Марина.

Нина стояла в дверях.

— Людмила много знает.

— Это правда?

— Последние зимы Валя в большой комнате спала. Здесь ветер под полом гуляет.

— Почему ты мне не сказала вчера?

— А что бы изменилось? Ты бы обратно уехала?

— Я бы понимала, какой ремонт нужен.

— Весной проживёшь, летом просушим. До зимы далеко.

— Пять месяцев.

— Целая жизнь.

Марина открыла окно, посветила телефоном на наружный откос. Внизу доска потемнела, краска вздулась. Замена обоев не помогла бы. Нужно было искать, откуда идёт влага, поднимать часть пола, утеплять стену. Возможно, ремонт обойдётся дороже, чем она рассчитывала.

— Большая комната чья? — спросила она.

— Опять начинаешь.

— Я про зиму. Если эту нельзя нормально протопить, где я буду жить?

— Со мной в большой.

— Там одна кровать.

— Поставим вторую.

— А мои вещи?

— В этой останутся.

— То есть я буду ходить сюда за одеждой в холод?

— Твоя мать ходила.

Марина села на край кровати. Нина не видела в этом катастрофы. Для неё зима состояла из привычных неудобств: закрыть две комнаты, перейти в одну, носить воду осторожно, греть кирпич на печи, надевать шерстяные носки. Марина двадцать лет жила с центральным отоплением и ругалась, если батареи не нагревались к октябрю.

— Я не хочу спать с тобой в одной комнате всю зиму, — сказала она.

Нина поджала губы.

— Я тоже не мечтала.

Ответ был честнее обиды. Марина кивнула.

— Значит, до октября надо решить.

— Что решить?

— Ремонтировать эту комнату, выделять себе другое место или искать жильё.

— У тебя дом есть.

— У меня доля. А домом сейчас пользуемся мы обе, Света и половина банок со всего участка.

— Банки можно вынести.

— Куда?

Нина задумалась и не нашла ответа.

На следующий день Марина пришла на работу раньше. Койка у окна была застелена, штора снова шевелилась. Она проверила заявку: возле даты кто-то поставил маленькую галочку. Виктор Петрович ещё не выходил, но работа хотя бы

получила срок и имя.

Первой пациенткой оказалась молодая женщина после операции. Она медленно дошла до койки, легла и сразу попросила закрыть окно. Марина дала ей дополнительное одеяло и измерила давление.

— Здесь всегда так холодно? — спросила женщина.

— Пока да. Во вторник уплотнят раму.

— Точно?

— Я проверю.

В девять Людмила Аркадьевна принесла график на следующий месяц.

— Тебе обычная пятидневка, — сказала она. — Два раза подменишь процедурный кабинет до шести, часы оплатят. Ночные здесь не нужны.

Марина расписалась. График был предсказуемым. Она знала, когда вернётся домой, сколько получит, в какие дни сможет заниматься документами и ремонтом. Впервые за долгое время работа не требовала жить возле чемодана.

Но дом требовал.

В короткий перерыв Марина позвонила печному мастеру и договорилась на субботу. Потом заказала свежую выписку на участок. Система попросила подтвердить адрес, площадь и правообладателей. Восемнадцать соток, три имени, одна запись об общей долевой собственности. Никаких кухонь, яблонь, мастерской и сырой комнаты там не было.

Она оплатила пошлину своей картой и внесла расход в

тетрадь. Ниже написала: «Срок до отопительного сезона — октябрь». Подчеркнула один раз.

В палате зазвенел вызов. Молодой женщине у окна стало дурно. Марина вернулась, опустила изголовье, проверила давление, остановила введение и позвала врача. Действовала без суеты. Через несколько минут состояние выровнялось. Женщина открыла глаза и спросила:

— Я что, всё испортила?

— Вы ничего не испортили. Организм отреагировал, мы это заметили.

— Теперь меня домой не отпустят?

— Решит врач. Сначала полежите.

Марина убрала лишнюю подушку и осталась рядом, пока дыхание пациентки не стало ровным. Койка у окна была неудобной, но с неё хорошо просматривалась палата. Отсюда Марина видела стойки, дверь и часы. Плохое место можно было сделать безопаснее, если точно знать его слабость и не притворяться, что сквозняк исчез от привычки.

После обхода Людмила Аркадьевна сказала:

— Хорошо сработала.

Марина кивнула. Похвала согрела сильнее, чем она ожидала.

— Я выписку на землю заказала, — сказала она.

— Поздравлять?

— Пока не с чем. Просто первый документ.

— Документ — тоже дело. Только не пытайся за неделю

исправить то, что тридцать лет складывали.

— У меня не неделя. До октября.

Старшая медсестра посмотрела на неё внимательно.

— Тогда считай не месяцы, а решения. Что нужно сделать до первого дождя, что до холода, а без чего можно прожить. И не бери лишние смены заранее. Усталый человек плохо считает.

Марина вернулась к журналу. Возле заявки на окно стояла дата. В тетради лежал чек за выписку. В шкафчике — бессрочный договор. Три бумаги не давали ей ни комнаты, ни денег, ни свободного прохода, но каждая называла то, что должно случиться дальше.

Вечером она принесла домой график и прикрепила магнитом к Нининому холодильнику. Рядом повесила лист с расходами на проводку и печного мастера.

— Зачем мне твоя работа? — спросила Нина.

— Чтобы знала, когда я дома.

— Я и так увижу.

— А если Света захочет приехать или мастер придёт, можно заранее договориться.

Нина изучила график.

— В субботу печник?

— В десять.

— Гена обидится.

— Почему?

— Он же чистил.

— Пусть приходит. Послушает, что скажет специалист.

— Ты его всё специалистами проверяешь.

— Я проверяю печь, а не Геннадия.

Нина сняла очки.

— Для него одно и то же.

Марина не стала спорить. Она перенесла продукты в новый холодильник, оставив тёте верхнюю полку. На средней поставила свои контейнеры. Нижнюю не заняла.

— Это Свете, — сказала она.

— У неё свой.

— Маленький.

Нина кивнула, принимая не полку, а попытку.

Перед сном Марина измерила температуру снова. Восемнадцать градусов. За окном потеплело, поэтому результат ничего не доказывал. Она записала число и время в тетрадь.

Постоянная ставка удерживала её в Липовом надёжнее, чем воспоминания. Теперь возвращение нельзя было считать паузой между квартирами. Каждое утро её ждали восемь коек, назначения и люди, которые знали расписание автобуса лучше времени введения лекарства. Каждым вечером её ждала комната, пригодная до холодов, и участок, где ни один порядок не был записан целиком.

Марина поставила будильник на пять сорок и выключила обогреватель. В темноте загудел холодильник в сенях. От Нининой печи через стену шло слабое тепло.

До октября оставалось пять месяцев. Впервые этот срок

был не угрозой, а назначением: достаточно длинным, чтобы действовать, и слишком коротким, чтобы снова сказать «потом».

Глава 4. Дашины деньги

Даша позвонила в воскресенье в восемь утра, когда Марина стояла на табурете и держала ладонь возле трещины над печной дверцей.

Печной мастер приехал накануне, простучал кладку, поднялся на чердак и нашёл две вещи, которые Геннадий не мог увидеть с крыши: расшатанный шов у разделки трубы и трещину в кирпиче со стороны стены. Топить он разрешил только понемногу и велел до осени переложить верхние ряды. Утром Марина решила сфотографировать повреждения при дневном свете. Нина стояла рядом с веником и говорила, что трещина была всегда.

Телефон завибрировал на подоконнике.

— Мам, ты можешь говорить? — спросила Даша.

— Могу. Только я у печки.

— Она сломалась?

— Пока нет. Мастер сказал ремонтировать трубу до холодов.

На другом конце возникла пауза. Марина слезла с табурета. Она уже знала, какой вопрос прозвучит после слов про ремонт, и от этого заранее приготовилась оправдываться.

— Дорого? — спросила Даша.

— Смету вечером пришлёт.

— Понятно.

Ничего ей не было понятно. В Дашином «понятно» уместились и труба, и проводка, и тот факт, что мать второй месяц отвечала на разговор о продаже земли перечнем новых расходов.

— Ты поэтому звонишь? — спросила Марина.

— Нет. Я квартиру вчера смотрела.

Нина перестала мести и взглянула на неё. Марина показала рукой на дверь. Тётя поджала губы, но вышла в кухню.

— Какую? — спросила Марина.

— На Черёмуховой. Не новостройка, обычная девятиэтажка. Однокомнатная, тридцать четыре метра. До работы двадцать минут на трамвае.

— Этаж?

— Седьмой. Лифт новый. Окна во двор, не на дорогу. Там ремонт старый, зато жить можно сразу.

Даша перечисляла то, чему Марина сама учила её при съёме жилья: не влюбляться в обои, смотреть трубы под раковиной, спрашивать про соседей, проверять напор воды и дорогу до работы. Голос у неё был спокойный, деловой. Только говорила она быстрее обычного.

— Сколько просят?

Даша назвала сумму.

Марина села на край кровати. Квартира стоила меньше тех, ссылки на которые дочь присылала зимой, но больше, чем они считали прошлой осенью. Разница была не огромной на бумаге и почти недостижимой в жизни.

— Торг возможен? — спросила она.

— Риелтор говорит, тысяч сто уступят. Может, сто пятьдесят, если быстро выйдем на сделку.

Слово «выйдем» прозвучало так, будто у них по-прежнему был общий план.

— А первоначальный взнос?

— Вот об этом я и звоню.

Марина провела пальцем по фотографии трещины. Вблизи она казалась чёрной ниткой, зацепившей два кирпича.

— Даш, свежая выписка ещё не пришла. И я не знаю, что там можно продать отдельно.

— Я не спрашиваю, можно ли продать отдельно. Ты говорила, что продашь свою долю.

— Говорила.

— Мы поэтому полтора года считали именно так.

— Я помню.

— Тогда скажи, план отменился или нет.

Марина услышала на кухне стук чашки. Нина наверняка не ушла дальше стола. В старом доме нельзя было поговорить так, чтобы стены не стали ещё одним собеседником.

— Он изменился, — сказала Марина. — Я теперь здесь работаю. Мне нужно где-то жить.

— А до этого тебе не нужно было где-то жить?

— В городе я снимала.

— И хотела снимать дальше. Ты сама говорила: продадим

землю, часть положишь себе, часть дашь мне, а дачные проблемы останутся тем, кто там живёт.

Это были почти точные слова Марины. Она произнесла их в ноябре, когда хозяйка городской квартиры впервые предупредила о повышении платы. Тогда дача казалась неудобным наследством: далеко от работы, без нормальной ванной, с тётей, которая считала каждую переставленную банку. Марина была уверена, что её жизнь останется в городе. Потом хозяйка решила продать квартиру, временная ставка закончилась, а постоянное место нашлось в Липовом. Три перемены случились за месяц, но Дашины расчёты от этого не перестали быть настоящими.

— Я не прошу тебя сегодня переводить деньги, — сказала Даша. — Мне нужно понять, могу ли я смотреть квартиры в этом диапазоне. Если нет, я не буду тратить время.

— Сколько у тебя сейчас есть?

— Мам.

— Я не проверяю. Хочу посчитать.

— У меня восемьсот сорок две тысячи на вкладе. Через две недели будет зарплата, отложу ещё сорок. Если банк даст по той ставке, что предварительно обещал, нужно минимум миллион двести. Но с минимальным взносом платёж плохой. Нормально — миллион четыреста.

Марина знала первые восемьсот тысяч. Даша копила их с двадцати трёх лет: сначала переводила по десять тысяч, потом по двадцать, после повышения — по тридцать пять. Не

ездила в отпуск за границу, хотя две коллеги звали её в Турцию. Два года пользовалась телефоном с треснувшим стеклом. Снимала комнату с девушкой, которая работала по ночам и готовила рыбу в шесть утра. В этих деньгах не было ни каприза, ни попытки устроиться за материнский счёт. Там лежали четыре года Дашиных отказов.

— Я смогу помочь, — сказала Марина.

— Сколько и когда?

Вопрос был справедливым. Именно поэтому ответить на него оказалось трудно.

— Пока не знаю.

— Тогда это не помощь, мам. Это надежда.

Марина встала и прикрыла дверь плотнее.

— Я не отказываюсь от своих слов.

— Но и не подтверждаешь их.

— Потому что здесь не пустой кусок земли. Тут дом, мастерская, теплица, общий проход. Три собственницы. Я не могу взять и продать шесть соток по линейке.

— Раньше ты это знала?

— Не всё.

— Что именно ты не знала?

Марина посмотрела в окно. За стеклом Геннадий катил из мастерской газонокосилку. Он остановился у ворот, завёл мотор, послушал и снова заглушил. Между его стеной и Светиной теплицей оставался проход, по которому человек шёл свободно, а машина уже не проходила.

— Я не знала, что его дом так стоит. Не знала, что моя комната зимой сырая. Не знала, что у Светы часть кухни на том месте, которое все называют моим. Вообще никакого «моего места» на земле пока нет. Есть доля во всём участке.

— Доля ведь продаётся.

— Теоретически да.

— Почему теоретически?

— Потому что покупатель получит не шесть свободных соток, а право спорить со всеми, кто там живёт. И сначала я обязана предложить долю Нине и Свете. Думаешь, за такое дадут ту сумму, которую мы считали?

Даша молчала. Она работала со строительными сметами и слишком хорошо знала разницу между площадью в таблице и тем, что можно сделать на месте.

— Ты уже узнавала цену? — спросила она.

— Нет. Заказала выписку. Потом нужен инженер.

— Значит, все наши суммы были выдуманные?

— Не выдуманные. Мы смотрели объявления.

— Объявления про отдельные участки.

— Да.

Сказать это вслух оказалось стыднее, чем Марина ожидала. Они с Дашей открывали карты, сравнивали улицы, умножали сотки на среднюю цену. Марина добавляла: «Даже если продадим дешевле». Они не проверили, насколько дешевле. Удобная цифра переходила из одной тетради в другую и постепенно стала обещанием.

— Я пойду в банк во вторник, — сказала Даша. — Предварительное решение у них до конца месяца. Мне что им говорить?

— Говори только про свои деньги.

— Тогда они одобряют меньшую сумму.

— Лучше меньшую, чем ту, которой нет.

— Хорошо.

Даша произнесла это без согласия, просто закончила разговор.

— Пришли объявление, — попросила Марина.

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

— Посмотри. Только не звони риелтору. Я уже всё спросила.

Ссылка пришла сразу. На первой фотографии была пустая комната с бежевыми обоями, на второй — маленькая кухня, где холодильник стоял вплотную к батарее. На балконе хранились лыжи прежних хозяев. Ничего особенного. Но в каждом кадре помещалась отдельная жизнь: одна дверь, один счётчик, одна хозяйка, которой не требовалось спрашивать двоюродную тётю, можно ли переставить шкаф.

Марина открыла банковское приложение. На её накопительном счёте лежало триста семнадцать тысяч. Часть предназначалась на переезд и несколько месяцев без работы, часть она мысленно оставляла Даше. Проводка, выписка и осмотр печи уже отняли двадцать восемь тысяч. Ремонт тру-

бы мог забрать ещё столько же или больше. Если отдать дочери всё сейчас, не хватит даже до желательного взноса. Зато Марина останется без запаса до первой полной зарплаты и с домом, в котором нужно готовиться к зиме.

Она могла перевести сто тысяч. Жест получился бы заметным и бесполезным: Дашин ипотечный платёж почти не изменился бы, а Марина лишилась бы возможности оплатить срочную работу. Могла назвать срок — например, август. Тогда пришлось бы любой ценой добиваться продажи, даже если цена окажется плохой. Могла попросить дочь подождать год. Но год для Марины был одним сезоном, а для двадцатисемилетней Даши — ещё двенадцать месяцев в комнате рядом с чужой ночной жизнью.

Нина вошла без стука.

— Поговорили?

— Ты всё слышала.

— Не всё. Только громкое.

— Значит, всё главное.

Нина села за стол и поправила край клеёнки.

— Дашке квартира нужна?

— Нужна.

— Пусть приезжает сюда. Комната есть.

Марина даже не сразу ответила.

— Ей работа в городе нужна.

— Отсюда электричка ходит.

— До электрички автобус, потом полтора часа, потом мет-

ро. Это три часа дороги в день.

— Молодая.

— Молодость не значит, что её время бесплатное.

Нина обиделась.

— Я бесплатно дояркой работала, пока мать болела. И ничего.

— Вот именно. Ты до сих пор это помнишь.

— А что плохого родным помочь?

— Ничего. Если помощь не назначают за другого.

Нина посмотрела на телефон с фотографией квартиры.

— Красиво?

— Обычно.

— За обычное теперь сколько просят?

Марина назвала цену. Тётя перекрестилась и сказала, что за такие деньги можно купить половину Липового. Потом подумала и добавила:

— Раньше можно было.

На завтрак они ели гречневую кашу. Марина поставила телефон экраном вниз, но всё равно видела Дашину квартиру: пустой угол, линолеум, дверь на балкон. Нина рассказывала, что Светлана приедет в следующие выходные и привезёт рассаду помидоров. Марина кивала, не вслушиваясь.

После завтрака она достала из чемодана синюю папку. В ней лежали документы, которые не понадобились при переезде: старые договоры найма, копия свидетельства о смерти матери, квитанции за дачу. На дне нашлась школьная тет-

радь в клетку. На обложке Даша когда-то написала: «Квартира», хотя первые страницы занимал список расходов на её выпускной.

Они начали считать жильё четыре года назад, когда Даша соседка объявила, что собирается замуж и съезжает. Тогда дочь могла позволить себе только комнату на окраине. Марина предложила откладывать вместе: Даша — сколько сможет каждый месяц, Марина — премии и деньги от подработок. Через год умерла Валентина, мать Марины, и в тетради появилась новая строка: «Продажа доли — ориентировочно 900 000». Потом они исправили её на миллион сто.

Внизу страницы Мариной рукой было написано: «Даше 600–700, остальное мне на аренду и запас».

Она долго смотрела на цифры. Дочь не придумала обещание. Марина сама придала ему форму: назвала нижнюю границу, распределила ещё не полученные деньги и несколько раз повторила, что земля ей не нужна. Даша строила план не на жадности, а на материнском решении.

Следующие страницы были заполнены аккуратнее. Даша записывала стоимость квартир, проценты, размер платежа при разных взносах. Рядом стояли даты, когда она добавляла на вклад очередные пятьдесят тысяч. В январе Марина написала красной ручкой: «Летом решаем».

Лето ещё не началось, но слово уже приближалось.

Марина сфотографировала разворот и отправила Даше. «Нашла. Ты права: я назвала сумму. До выписки и разго-

вора с инженером не могу обещать срок. Во вторник скажу, когда будут документы».

Ответ пришёл через минуту.

«Спасибо, что нашла. Мне не нужно, чтобы ты признала мою правоту. Мне нужно решить, что делать».

Марина набрала: «Мне тоже», — и стёрла. Это звучало так, будто их задачи были равны. Даша искала своё первое жильё. Марина пыталась сохранить последнее доступное. Обе нуждались в деньгах, но это не делало дочь обязанной уступить.

Она написала: «Во вторник после банка позвони. Я до этого узнаю срок выписки и запишусь к инженеру».

Даша прислала короткое «да».

В понедельник на работе Марина позвонила в справочную во время обеда. Выписку обещали выдать в течение трёх рабочих дней. Кадастрового инженера ей посоветовал хозяйственник Виктор Петрович, который наконец пришёл уплотнять окно. Инженера звали Алла Григорьевна. Она выслушала описание участка и сразу спросила, согласны ли остальные собственницы на съёмку.

— Пока не знаю, — сказала Марина.

— Тогда сначала договоритесь хотя бы об осмотре. Я могу снять фактическое положение построек, но раздел без участия всех не сделаю.

— Сколько стоит первый выезд?

Алла Григорьевна назвала сумму.

— И после него вы скажете, сколько стоят мои шесть соток?

— У вас нет своих шести соток. У вас доля в восемнадцать. Стоимость земли определяет оценщик, а я покажу, можно ли образовать отдельные участки и какие препятствия есть.

Марина записала слово в слово. Ей хотелось получить одну цифру, а каждый специалист вместо неё давал новое условие.

— Если я продам долю как есть?

— Это вопрос к юристу и оценщику. Но покупатель войдёт в общую собственность вместе с вашими родственниками. При фактическом пользовании и незарегистрированных постройках цена обычно отличается от цены свободного участка. Насколько — я гадать не буду.

— Когда можете приехать?

— В следующую пятницу, если все откроют строения и дадут доступ.

Марина положила трубку и увидела в дверях Людмилу Аркадьевну.

— Землю делишь? — спросила старшая медсестра.

— Пока выясняю, можно ли.

— Судиться собралась?

— Нет.

— Хорошо. У нас одна санитарка семь лет с сестрой судилась за родительский дом. Дом сгнил быстрее, чем они до-

говорились.

— Обнадёжили.

— Я не обнадёживаю. Я про сроки.

Людмила Аркадьевна поставила на стол новый журнал температуры холодильника.

— Заполняй два раза за смену. И не путай чужие деньги со своими часами.

— Это вы о чём?

— Ты в графике карандашом три дополнительные смены отметила.

Марина посмотрела на лист. Утром она действительно обвела свободные вечера, прикидывая, сколько получит за подмены.

— Я могу их взять.

— Можешь одну. Остальные сначала предложим тем, у кого ставка неполная. И тебе испытательный срок проходить, а не закрывать все дырки.

— Мне деньги нужны.

— Здесь всем нужны. Поэтому график не продаём тому, кто первым схватил.

Марина стёрла два кружка. Даже дополнительные часы, которые она уже мысленно отдала Даше, ей не принадлежали.

Вечером на участке собрались у Нины. Светлана участвовала по видеосвязи: её лицо то замирало, то распадалось на квадраты. Геннадий пришёл с отвёрткой в нагрудном карма-

не, будто его выдернули из работы. Лариса осталась у себя.

Марина положила на стол лист с ценой выезда и объяснила, что инженер снимет постройки, проходы и нынешние ограждения, но не станет сразу делить землю.

— А зачем тогда платить? — спросил Геннадий.

— Чтобы увидеть, что здесь стоит на самом деле.

— Мы и так видим.

— Мы называем одни и те же места разными именами. Для тебя проход вдоль мастерской твой двор. Для Нины — дорога к колодцу. Света считает теплицу на своей части, а по старому плану там вообще нет частей.

— Инженерша твоя что, правду выберет?

— Нет. Измерит расстояния.

Светлана спросила из телефона:

— Сколько с меня?

— Если делим поровну, по четыре тысячи.

— А Гена почему не платит? Ему тоже надо.

Геннадий нахмурился.

— Я не собственник. Вы меня первыми выставите, а ещё я вам съёмку оплачу?

— Никто тебя сейчас не выставляет, — сказала Нина.

— Марина долю продавать собралась. Кому она её продаст? Первому, кто забор поставит?

Марина почувствовала, как разговор уходит в ту сторону, где каждое предположение становится обвинением.

— Я никому ничего не продаю до съёмки, — сказала она.

— Мне нужно понимать варианты.

— А потом?

— Потом будем обсуждать.

— Деньги дочери нужны, — сказала Нина.

Марина резко повернулась к ней.

— Это не надо было говорить.

— А что скрывать? Родное дело.

Геннадий отодвинул стул.

— Вот и вся геодезия. Дашке квартира, а мне дом двигать.

— Дом никто не двигает.

— Пока.

— Гена, останься, — попросила Нина.

Но он уже вышел. Через минуту хлопнула дверь мастерской.

На экране Светлана сказала:

— Марин, если тебе срочно продать, так и скажи. Я свою долю выкупить не смогу.

— Мне не срочно продать. Мне срочно перестать обещать деньги, которых у меня нет.

— Это кому ты обещала?

— Даше. Ещё до возвращения.

Светлана отвела взгляд. Она не осуждала, и от этого Марине стало ещё неприятнее.

— За съёмку я заплачу, — сказала сестра. — Только давайте после десятого, у меня зарплата.

Нина тоже согласилась на свою часть. Марина записа-

ла дату выезда и сумму. Геннадиева подпись для первого осмотра не требовалась, но без доступа в его двор измерения получились бы неполными.

После разговора она пошла к мастерской. Дверь была открыта, внутри пахло бензином и нагретым металлом. Геннадий склонился над разобранной косилкой.

— Можно? — спросила Марина.

— Ты уже вошла.

— В пятницу через неделю приедет инженер. Нужно измерить мастерскую снаружи и дом.

— Дом мой.

— Постройка твоя. Земля общая. Нам нужны оба факта.

Он положил ключ на верстак.

— Валентина сама сказала строить. Нина сказала. Светкин отец ещё столбы помогал ставить. А теперь вы бумагу найдёте и окажется, что я у вас всё украл.

— Я не считаю, что ты украл.

— Тогда зачем продаёшь?

— Я ещё не продаю.

— Дочке деньги обещала.

— Обещала. Не разобравшись.

Геннадий посмотрел на неё впервые с начала разговора.

— И что теперь?

— Теперь разберусь. Дашино ожидание настоящее. Твой дом тоже настоящий. Но одно не должно притворяться ценой другого, пока мы даже размеров не знаем.

— Красиво сказала.

— Некрасиво будет, если я назову дочери срок, а потом начну торопить всех вас ради него.

Он снова взял ключ, но работать не стал.

— Пусть меряет снаружи. В дом не пушу.

— Для первого раза достаточно. Нужны углы и отступы.

— И Ларисе сама скажешь.

— Скажу.

Во вторник Даша позвонила в семь вечера. Марина как раз чистила картошку на Нининой кухне. Она вышла на крыльцо, села на ступеньку и включила громкую связь только после того, как убедилась, что рядом никого нет.

— Банк одобрил, — сказала Даша. — Но меньше, чем в расчёте риелтора. Если брать ту квартиру, нужен взнос миллион триста восемьдесят и ещё расходы на сделку.

— У тебя будет около девятисот.

— Да.

— Не хватает почти пятисот.

— Я умею вычитать.

— Прости.

Даша выдохнула.

— Мне предложили потребительский кредит на недостающее. Я не буду брать. С ипотекой вместе слишком много.

— Правильно.

— Не говори «правильно», как будто я сдала экзамен.

Марина прижала ладонь к тёплой доске крыльца.

— Хорошо. Что ты решила?

— Эту квартиру пока не бронировать. Посмотрю дешевле. Может, студию. Может, дальше от работы.

Каждое «может» было уступкой. Марине хотелось немедленно отменить хотя бы одну.

— Я могу сейчас дать сто пятьдесят тысяч, — сказала она.
— Без продажи.

— А труба?

— Останется запас.

— Какой?

— Достаточный.

— Сколько?

Марина промолчала.

— Вот поэтому не надо, — сказала Даша. — Я возьму эти сто пятьдесят, ты полезешь за ночными сменами, а в сентябре скажешь, что печь нечем чинить. Потом Нина Павловна будет считать, что я оставила вас без отопления.

— Тётя тут ни при чём.

— Она всегда при чём, даже когда молчит за дверью.

Марина не стала защищать Нину.

— Я записалась к инженеру. Через десять дней будет съёмка.

— И после неё будут деньги?

— Нет. После неё будут варианты.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты сказала не то, что мне хочется услышать, а то, что будет.

Они договорились созвониться после выезда инженера. Даша пришлёт объявления дешевле, но не станет считать материнскую долю частью взноса. Марина не будет переводить накопления, пока не получит смету на печь и не оставит запас на три месяца. Это звучало скромнее прежнего общего плана и надёжнее его.

Перед тем как отключиться, Даша сказала:

— Я не хочу, чтобы ты продавала единственное жильё ради моей квартиры.

— Это пока не жильё.

— Ты туда вернулась.

— Вернуться и поселиться — не одно и то же.

— Для тебя, может быть. Со стороны уже одно.

После звонка Марина осталась на ступеньке. За забором Геннадий включил свет в мастерской. В пристройке было темно: Светлана приедет только через неделю. В Нинином окне двигалась тень. Три хозяйства занимали один участок, а Дашина будущая кухня находилась в городе, на фотографии, которую мог в любой день удалить риелтор.

Марина открыла тетрадь и перечеркнула строку «Даше 600–700». Ниже написала: «Не обещать сумму до оценки и согласия собственниц». Потом добавила: «Мои накопления — не будущая продажа».

Это не возвращало дочери квартиру и не решало, где Ма-

рина будет жить зимой. Зато впервые деньги перестали переходить из воображаемой сделки в настоящую жизнь без дороги между ними.

Нина позвала ужинать. Марина убрала тетрадь, но телефон оставила рядом. На экране всё ещё была Дашина ссылка. Объявление поместили словом «просмотрено», словно одно посещение уже приближало покупку.

— Договорились? — спросила Нина, когда Марина вошла.

— Договорились пока ничего не считать проданным.

— И что ей с того?

— Она будет смотреть то, что может купить сама.

— Обиделась.

— Имеет право.

— А ты?

Марина положила на тарелку картошку и кусок селёдки.

— А я имею обязанность не делать из её обиды расписку на чужую землю.

Нина покачала головой, не то соглашаясь, не то уставая от новых слов. За стеной негромко потрескивала печь. Топили её теперь понемногу, как велел мастер. Трещина не исчезла, зато у неё были фотография, цена осмотра и срок ремонта.

С Дashiными деньгами было труднее. Их ещё не существовало, но они уже успели определить квартиру, расстояние до работы, размер ежемесячного платежа и меру доверия между матерью и дочерью. Марина не могла вернуть обеща-

ние назад. Она могла только перестать увеличивать его каждым удобным словом.

Она закрыла тетрадь и поставила дату выезда инженера на холодильник рядом с рабочим графиком. До этой даты оставалось десять дней. До октября — меньше пяти месяцев. До Дашиной квартиры срока больше не было.

Глава 5. Проезд к колодцу

Песок привезли в четверг, хотя договаривались на пятницу.

Марина была на работе, когда водитель самосвала позвонил и сказал, что стоит у синей калитки. Она зажала телефон плечом, продолжая раскладывать упаковки физраствора по срокам.

— Какой калитки? — спросила она.

— На Садовой. Тут ещё ворота зелёные, но они закрыты. Мне сказали, вам три куба.

Песок заказала Нина для дорожки к колодцу. После весенних дождей низину размывало, и тётя подкладывала под ноги обломки кирпича. Геннадий обещал привезти материал своим прицепом, но не успевал. Светлана нашла доставку вместе с соседями с другой улицы: одна машина развозила три заказа, поэтому день определял водитель.

— Подождите десять минут, — сказала Марина. — Я найду, кто откроет.

— Я ждать не могу. Или показывайте куда, или выгружу у дороги.

Марина позвонила Нине. Та ответила не сразу и сказала, что находится в магазине. Светлана была в городе. Геннадий не поднял трубку. Ларисиного номера у Марины не было.

— Там справа от калитки узкий проезд, — объяснила она

водителю. — Нужно к старому дому, куча возле сарая.

— Какой проезд? Тут между строениями легковая не пролезет.

— Раньше грузовик проходил.

— Раньше я не знаю. Сейчас зеркало сниму и всё равно не войду.

В палату позвали Марину. У пациента закончилась система, следующая женщина ждала измерения давления. Она попросила водителя не выгружать песок за воротами и снова набрала Геннадия.

— Я под трактором, — ответил он наконец. — Что случилось?

— Песок привезли. Водитель не может проехать.

— Конечно не может. Там самосвал.

— А как его доставить к Нининому сараю?

— Никак. Пусть у дороги сыплет.

— Он загородит вход.

— Тогда возле моих ворот.

— И загородит твои ворота.

— Марина, я в яме лежу. Не могу сейчас землю расширить.

Связь оборвалась. Марина вернулась к пациенту, сняла пустой флакон, перекрыла зажим и проверила место укола. Руки действовали верно, а мысли оставались на Садовой, где чужая машина ждала решения, которого никто заранее не принял.

Водитель позвонил ещё раз.

— Хозяйка, я высыпал вдоль забора. До калитки метр оставил. Фото пришлю.

— Я просила подождать.

— Я пятнадцать минут стоял. У меня ещё два адреса.

На фотографии серая куча лежала между канавой и зелёными воротами Геннадия. Один край расползся на дорогу, другой почти касался столба с почтовым ящиком. Человек мог пройти боком. Машина — нет.

Марина показала снимок Людмиле Аркадьевне и попросила отпустить её на час.

— У тебя ещё четыре процедуры, — сказала старшая медсестра.

— Там въезд перекрыт.

— Песком?

— Да.

— Он до конца смены дом не съест. После работы разгрёбёшь.

— Если кому-то понадобится проехать?

— Кому?

Марина хотела сказать: скорой, пожарным, Нине с тяжёлыми сумками. Но песок лежал там меньше получаса, а она уже собиралась оставить пациентов из-за каждой возможной беды.

— Никому пока, — признала она.

— Тогда работай. В четыре уйдёшь без задержки.

До четырёх Марина трижды смотрела на телефон. Нина прислала сообщение: «Пришла, пройти можно». Геннадий написал: «Вечером уберём». Светлана поставила сердитый знак под фотографией и спросила, почему водитель не заехал внутрь. Марина не ответила. Объяснение требовало рисунка.

После смены она приехала на автобусе и увидела, что куча стала шире. По ней уже прошли несколько раз, песок осыпался в канаву. Геннадий стоял у ворот с лопатой. Рядом лежала тачка.

— Хорошо выгрузил, — сказал он вместо приветствия. — Половина на муниципальной дороге, половина перед моими воротами.

— Я просила к сараю.

— А он должен был мастерскую насквозь проехать?

Марина взяла вторую лопату, которую Нина прислонила к забору.

— Куда переносим?

— К колодцу, куда же. Сто двадцать метров тачкой.

— Тут не сто двадцать.

— Пока объедешь теплицу и яблони — будет.

Они наполнили первую тачку. Геннадий повёз её через зелёные ворота в свой двор, мимо мастерской, затем свернул в узкий проход. Марина пошла следом. Между углом мастерской и Светиной теплицей ручки тачки едва не цепляли стены. Дальше дорожка огибала грядки Котовых, проходила под

яблоней и выходила к старому дому.

— Так холодильник несли, — сказала Марина.

— Холодильник уже.

— А машина раньше проходила прямо?

Геннадий опрокинул тачку у сарая.

— Когда мастерской не было и теплица стояла дальше.

— Кто разрешил сузить?

— Никто не запрещал.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет. Теплицу Светкин отец двигал лет пятнадцать назад. Я мастерскую расширил потом. Между ними оставили дорожку.

— Для человека, не для машины.

— Машины сюда раз в десять лет ездили. Зачем держать пустую полосу?

Они вернулись за второй тачкой. Нина уже стояла у кучи с маленьким совком.

— Ты куда? — спросила Марина.

— Помогать.

— Этим до ночи будешь.

— До ночи так до ночи.

Геннадий отобрал у неё совок и велел держать мешок, куда они собирали камни. Нина возмутилась, но послушалась.

Через полчаса приехала Лариса. Она остановила машину у соседского забора, потому что свои ворота оставались завалены. Из багажника достала пакеты с продуктами.

— А я как заезжать буду? — спросила она.

— Сегодня никак, — ответил Геннадий.

— У меня вода в упаковках.

Марина взяла одну, Геннадий другую. Пришлось нести их через калитку. Лариса шла сзади и молчала до кухни, а там поставила пакет на пол и сказала:

— Это Нинин песок, но ворота наши.

— Я не выбирала место выгрузки, — сказала Нина.

— Заказывали вы.

— Света заказывала.

— А дорожку делает кто?

— Мы все по ней к колодцу ходим.

Лариса посмотрела на Марину.

— Вот тебе и фактическое пользование. Колодец общий, песок общий, а разгребают Гена.

— Я тоже разгребаю.

— Ты завтра на работу уйдёшь.

Марина промолчала. Водитель ошибся днём доставки, но выбрал единственное место, откуда мог выгрузить. Песок предназначался для общего прохода и одновременно лишил Котовых въезда. Любая вещь на участке занимала чьё-то нужное место.

К семи вечера они освободили одну створку ворот. Машина Ларисы прошла с несколькими сантиметрами по краям и осталась во дворе. Основная куча всё ещё лежала снаружи. Геннадий подсчитал, что потребуется не меньше два-

дцати рейсов тачкой.

— Завтра после работы продолжим, — сказала Марина.

— Завтра дождь, — ответил он. — Песок потечёт в канаву.

— Накроем.

— Чем? Мой тент короткий.

Нина предложила старую плёнку от парника. Они развернули её на дороге. В двух местах плёнка была прорвана, края прижали кирпичами. Сверху куча стала похожа на низкую палатку.

— Если ветер поднимется, улетит к Семёновым, — сказал Геннадий.

— Давай верёвкой, — предложила Марина.

— К чему привяжешь? К моим воротам?

Он сказал это без насмешки, но Марина услышала накопившееся раздражение. Всё упиралось в его ворота, его мастерскую, его способность привезти, починить, перенести. За это ему позволяли занимать больше пространства. Потом помощь превращалась в основание считать пространство своим.

— Завтра возьму день за свой счёт, — сказала Марина.

— Из-за песка? — спросила Нина.

— Перенесём до дождя.

— Не возмёшь, — сказал Геннадий. — Я утром позову Вадима, у него мототележка.

— Она пройдёт?

— Если зеркал нет, пройдёт.

— И снова ты будешь решать чужую доставку.

— А ты хочешь отпроситься с новой работы, чтобы доказать самостоятельность?

Марина посмотрела на него. Он был прав, и это не делало устройство участка правильным.

— Я хочу, чтобы к старому дому можно было привезти не только песок на твоей технике.

— Так снеси теплицу.

Из летней кухни донёсся голос Светланы. Она приехала последней электричкой и услышала конец разговора.

— Почему сразу мою теплицу? — спросила она, подходя к ним с сумкой.

— Потому что она напротив мастерской, — сказал Геннадий.

— Мастерская моложе.

— Теплицу двигали.

— На двадцать сантиметров, когда фундамент заливали.

— На метр.

— Ты мерил?

— Я помогал.

Светлана поставила сумку на землю.

— А мастерскую ты на сколько расширил?

— На сколько мне разрешили.

— Кто?

— Твой отец в том числе.

— Папа мог разрешить за себя. Не за всех.

Нина велела им не кричать. Никто не кричал, но голоса уже стали такими, после которых обычные слова звучат угрозой.

Марина предложила пройти путь от ворот до колодца и измерить самое узкое место. Геннадий принёс рулетку. Светлана держала один конец у поликарбоната теплицы, Марина — у стены мастерской.

— Два метра двадцать восемь, — сказала она.

— Легковая проходит, — ответил Геннадий.

— Твоя, со сложенными зеркалами.

— Другим здесь делать нечего.

— Пожарной?

— Пожарная с улицы рукава протянет.

— Скорой?

— До старого дома сорок метров пешком.

— Не сорок, — сказала Светлана. — И носилки на повороте возле яблони не пройдут.

Нина всплеснула руками.

— Вы меня уже и сожгли, и на носилки положили.

— Мы не про тебя лично, — сказала Марина.

— А про кого? В старом доме я живу.

Она ушла внутрь. Светлана хотела пойти следом, но Марина остановила её.

— Пусть посидит. Если сейчас все зайдём утешать, разговор кончится, а проход не станет шире.

Они измерили ещё два места. У яблони оставалось два метра пять сантиметров. Между сараем и грядкой — два сорока. Прямой путь от внешних ворот был короче, но его пересекала стена мастерской. Объехать с другой стороны мешали теплица, компостная яма и забор соседей.

— А старые ворота где были? — спросила Марина.

Светлана показала на два вросших столба возле сирени. Между ними когда-то въезжали машины. Теперь за линией ворот стоял металлический стеллаж у мастерской, а в землю был залит угол фундамента.

— Почему их закрыли?

— Они провисли, — сказал Геннадий. — Новые поставили ближе к дороге, чтобы мне к мастерской заезжать.

— То есть общий въезд стал въездом к твоему дому.

— Он не был общим по документам. Просто ворота стояли.

— Но ими пользовались все.

— Пока пользовались. Потом у всех появились свои калитки.

— Калитки, — повторила Марина. — Не ворота.

Геннадий сматал рулетку.

— Ты хочешь, чтобы я мастерскую разобрал ради машины с песком?

— Я хочу понять, чем мы пожертвовали, когда её расширяли.

— Ничем. Машина с песком приехала впервые за двена-

дцать лет.

— А дрова Нине как привозят? — спросила Светлана.

— Мне сгружают, я перевожу прицепом.

— Баллон?

— Я забираю.

— Мебель?

— Несём.

— Значит, проезд не перестал быть нужен. Ты заменил его собой.

После этих слов Геннадий ушёл в дом. Лариса закрыла за ним дверь.

Светлана подняла свою сумку.

— Я зря это сказала?

— Нет, — ответила Марина. — Просто он услышал другое: что вся его помощь теперь улика.

— А разве не так?

— Помощь была настоящая. И проход заняли по-настоящему. Одно другое не стирает.

Они вошли к Нине. Та сидела возле печи и перебирала пакет с лекарствами.

— Давление? — спросила Марина.

— Нормальное у меня давление. Таблетки на завтра раскладываю.

— Мы закончили мерить.

— Намерили мне похороны?

— Намерили самое узкое место. Два метра пять сантимет-

ров.

— И что с ним делать?

— Пока ничего. Инженер посмотрит.

— А песок?

— Утром Геннадий найдёт тележку.

Нина усмехнулась.

— Значит, опять Гена.

Марина села напротив.

— Тётъ Нин, почему старые ворота перенесли?

— Развалились. Денег на новые ни у кого не было. Гена купил металл, сварил. Спросил, куда ставить. Мы сказали: ставь как удобнее.

— Кто «мы»?

— Я, Валя, Коля Светин. Все были.

— И все понимали, что машина к дому больше не проедет?

— Тогда проехала. У него мастерская маленькая была.

— А когда расширял?

— Твоя мать уже болела. Светин отец умер. Я сказала: делай, раз работа нужна. Он нам столько всего чинил.

— Ты разрешила одна?

— Марин, не суди меня. Я не землю ему дарила. Я стену разрешила подвинуть.

— Я не сужу. Мне нужно знать, кто и что решил.

— Решили жить по-людски.

— А теперь любая доставка идёт через Геннадия.

— Он не отказывает.

— Сегодня он был под трактором, я на смене, ты в магазине. Водитель высыпал песок на дорогу.

Нина сложила лекарства обратно в пакет.

— Раньше звонили накануне.

— Раньше и ворота были на другом месте.

Всю ночь шёл мелкий дождь. Он стучал по подоконнику и собирался в тазике под протекающим углом навеса. Марина несколько раз просыпалась, представляя, как вода уносит песок в канаву.

В шесть утра во дворе затарахтел мотор. Она надела куртку и вышла. Вадим, широкоплечий мужчина из соседней улицы, привёз низкую мототележку на резиновых гусеницах. Геннадий грузил песок лопатой. Тележка прошла между мастерской и теплицей, но возле яблони пришлось снять пустой ящик, закреплённый сбоку.

— Видишь? — сказал Геннадий. — Всё можно.

— Если есть твой знакомый с такой машиной.

— А если нет, носим тачкой. Люди так живут.

Марина взяла лопату.

— Люди и по лестнице на девятый этаж ходят, когда лифт сломан. Это не значит, что лифт не нужен.

Вадим засмеялся, но, заметив лицо Геннадия, перестал.

За два часа они перевезли почти весь песок. Куча у дороги уменьшалась, дорожка к колодцу росла серой полосой. Нина разравнивала её граблями. Светлана снимала мокрую землю

у края. Лариса принесла чай в термосе.

Работали молча и слаженно. Именно так, наверное, участок менялся все тридцать лет: возникала нужда, находилась человек с инструментом, остальные помогали, а решение оставалось в земле без записи.

Когда тележка заглохла у теплицы, Вадим снял крышку двигателя. Геннадий подал ключ. Марина и Светлана стояли по разные стороны прохода, потому что обойти машину было невозможно.

— Если человек упадёт у колодца, — тихо сказала Светлана, — носилки правда не пронесут.

— Пронесут боком, — ответил Геннадий, не поднимая головы.

— На носилках боком не носят.

— Значит, через мой двор и в ворота.

— Если машина стоит во дворе?

Он выпрямился.

— Тогда я её выгоню.

— Ты опять отвечаешь собой, — сказала Марина.

— А кем мне отвечать? Бумагой?

— Проходом, который остаётся, даже когда тебя нет.

Геннадий вытер руки о ветошь.

— Ты двадцать лет здесь не жила. Тебя не было, а проход был такой и всем хватало.

— Меня не было. Но моя доля была.

— Вот оно. Твоя доля. Теперь каждый метр посчитаешь.

— Посчитаю не для того, чтобы забрать. Для того, чтобы нужные вещи не зависели от того, кто сегодня поднял трубку.

Мотор завёлся. Разговор пришлось прекратить из-за грохота.

К десяти песок убрали с дороги. Перед воротами осталась влажная россыпь, которую Марина смела в ведро. Лариса смогла выехать. Нина прошла по новой дорожке к колодцу и обратно, проверяя, не вязнет ли обувь.

— Хорошо получилось, — сказала она.

Получилось действительно хорошо. Вода больше не стояла в ямах, кирпичи убрали, край дорожки выравнивали. Но три куба песка сделали видимым то, что раньше удавалось обходить: общего проезда к общему месту не существовало. Была цепочка одолжений, техники и свободного времени Геннадия.

Марина сфотографировала старые воротные столбы, углы мастерской и теплицы. К рулетке больше не возвращались. Числа она записала в тетрадь без выводов: 2,28 метра у построек, 2,05 у яблони, 2,40 у сарая. Рядом указала, как доставляли песок и почему самосвал не въехал.

— Для инженера? — спросила Светлана.

— Для нас. Инженер сама перемерит.

— А если скажет сносить теплицу?

— Она не решает, что сносить. Покажет варианты.

— Ты уверена?

— Это она сказала.

Светлана потрогала мокрый поликарбонат.

— Отец её ставил. Я понимаю, что это не документ. Но если двигать, половина листов треснет.

— Запишем и это.

— Ты теперь всё записываешь.

— Потому что на память у каждого выходит свой участок.

Днём Марина ушла на работу. Она не брала отгул и не опоздала. На койке у окна лежал Шумилов, которого в прошлый раз приняли не в его день. Уплотнитель держался ровно, штора не шевелилась.

— Теперь жарко, — пожаловался пациент.

— Откроем форточку после процедуры.

Марина проверила назначение и поставила систему. В журнале возле фамилии были дата, время и номер койки. Если она уйдёт на обед, другая медсестра увидит, когда начато введение и что нужно делать. Работа не зависела от того, помнит ли Марина всё сама.

В перерыв она позвонила Алле Григорьевне и рассказала о проезде.

— Не делайте никаких выводов до съёмки, — сказала инженер. — Нужна ширина участка, положение границ по кадастру и охранные расстояния. Старые столбы тоже покажете.

— Какой ширины должен быть проезд?

— Я не буду отвечать без назначения и схемы. Для прохо-

да одно, для проезда к строениям другое, для обслуживания третье. И не называйте дорожку сервитутом, пока не ясно, нужен ли он вообще.

Марина записала и это. Ей нравилось, что Алла Григорьевна не продавала уверенность раньше измерений.

Вечером она вернулась на участок и обнаружила возле калитки новый навесной замок. Старый ключ подошёл. На внутренней стороне ворот Геннадий мелом написал: «НЕ СТАВИТЬ МАШИНУ. ОБЩИЙ ВЫЕЗД».

— Это ты? — спросила Марина, найдя его у мастерской.

— Я. Лариса сказала, мало ли опять доставку закажете.

— Спасибо.

— Не радуйся. Ворота мои.

— Металл твой. Выезд нужен всем.

— До инженера доживём.

Он вернулся к работе. Марина не стала продолжать. Надпись мелом можно было смыть одним дождём, но сегодня она действовала. Иногда временное решение было честным, если его не выдавали за вечное.

Новая дорожка к колодцу светлела в сумерках. Нина прошла по ней с двумя пустыми вёдрами. У мастерской она остановилась, пропуская Геннадия с тачкой, потом двинулась дальше. Марина смотрела, как тётя огибает угол теплицы. Для неё эти повороты давно стали естественными. Она не замечала, сколько раз меняет направление там, где раньше шла прямо.

Марина внесла в тетрадь последний расход — свою треть стоимости песка. Ниже записала: «Доставка к общему месту невозможна обычной машиной». Слово «невозможна» показалось слишком окончательным. Она исправила: «Сейчас обычная машина не проходит».

Так было точнее. Проезд не исчез сам. Его постепенно заняли постройки, грядки и удобства, каждое из которых кому-то было нужно. Значит, вернуть доступ тоже можно было только конкретным решением, у которого окажется цена и имя.

Глава 6. Слова прежних хозяев

Папку Геннадий принёс вечером, когда Нина уже закрывала форточки в старом доме.

Она была синяя, с оборванной резинкой и белёсым следом от кружки на обложке. Геннадий держал её двумя пальцами, будто внутри лежали не бумаги, а что-то липкое. Поставил на край кухонного стола, отодвинув солонку.

— Вот, — сказал он. — Хотели документы — смотрите.

Марина как раз записывала показания счётчика. После холодильника и новой линии они решили хотя бы месяц отмечать расход отдельно, чтобы не спорить по памяти. Она закрыла тетрадь и не сразу потянулась к папке.

— Все вместе посмотрим?

— А кто ещё нужен?

— Нина, Света. Лариса, если хочет.

— Лариса это всё видела.

— Тогда тем более.

Геннадий сел на табурет у двери. Рабочая рубашка на нём была застёгнута неправильно: одна пола висела ниже другой. Видимо, переодевался торопясь. От него пахло машинным маслом и дождём.

— Светка утром уедет, — сказал он. — Сейчас зовите.

Нина поставила чайник, хотя никто не просил чаю. Светлана пришла из пристройки с мокрыми волосами и полотен-

цем на плечах. Лариса появилась последней, вытерла руки о передник и села рядом с мужем. В маленькой кухне стало тесно. Марина открыла окно обратно.

В папке лежали квитанции за пиломатериалы, старые чеки, сложенные вчетверо листы в клетку, копия плана садового товарищества и фотографии. Бумаги были разложены по прозрачным файлам, но порядок в них определялся не датами. Сверху оказался чек на цемент девятилетней давности, под ним — расписка, написанная рукой Нины.

Марина вынула лист.

«Я, Нина Павловна Белова, не возражаю против постройки Геннадием Котовым сарая на месте старого дровника и проведения электричества от столба. Претензий не имею». Ни номера участка, ни размеров, ни рисунка. Внизу дата, подпись Нины и ещё одна подпись без расшифровки.

— Твоя? — спросила Марина.

Нина надела очки и придвинула бумагу.

— Моя. А вторая, наверное, Валиного мужа.

— Моего отца, — сказала Светлана. — Похоже.

— Сарай был где мастерская? — спросила Марина.

— Сначала сарай, — ответил Геннадий. — Потом утеплил.

— В каком году расширил?

— Не на допросе сидим.

— Я хочу сопоставить бумагу с тем, что стоит сейчас.

Он забрал расписку, перевернул, хотя оборот был пустым.

— Сначала поставил на старом фундаменте. Через два года пристроил справа. Ещё через три поднял крышу и обшил. Всё при них.

— При ком?

— При твоей матери, при Нине Павловне, при Валентине со Степаном. Ни от кого не прятался.

Лариса потянула из папки фотографию. На ней молодой Геннадий стоял возле низкого дощатого сарая. Рядом мать Марины держала эмалированный таз. За сараем виднелась старая яблоня, ещё не такая широкая. На обороте было написано: «Крыша готова, июнь» — и год.

— Мама снимала, — сказала Марина.

Она узнала почерк. Буква «т» была похожа на печатную, а семёрка перечёркнута короткой чертой. Фотография подтверждала, что мать видела стройку. Но на снимке сарай занимал примерно половину нынешней мастерской.

— Я и не говорю, что вы строили ночью, — сказала Марина. — Вопрос не в этом.

— А в чём? — спросила Лариса. — Если все видели и разрешали.

— Что именно разрешали. Сарай на месте старого дровника или мастерскую до нынешнего угла. Пользоваться землёй или получить её навсегда. Оставить проход для людей или проезд для машины.

— Тогда никто словами так не выворачивал, — сказала Нина. — Нужно было дровник убрать, Гена убрал. Нужно

было крышу сделать, сделал.

— Я не выворачиваю. Нам теперь придётся начертить то, чего вы тогда не чертили.

Геннадий достал второй лист. Он был написан на обороте объявления о собрании садоводов. Три короткие строки. «Согласны, чтобы семья Котовых пользовалась землёй возле старого дровника для хозяйственных нужд. Проход к колодцу оставить». Подписи Нины, матери Марины и Светланиной матери. Даты возле подписей различались на неделю.

— Вот, — сказал Геннадий. — Все трое.

Марина прочитала вслух дважды.

— Здесь правда все трое. И здесь написано «пользовалась», не «купила».

— Я за бесплатно ничего не брал. Я им забор делал, воду тянул, дом зимой смотрел. Твоей матери печь перекладывал.

— Я этого не отрицаю.

— А звучит, будто пришёл и захватил.

— Я сказала только, что в бумаге нет продажи.

— Потому что продавать никто не собирался. Жили по-соседски.

Светлана взяла лист за края и поднесла к лампе.

— «Проход к колодцу оставить», — повторила она. — Какой проход?

— Какой был, такой и оставить, — ответил Геннадий.

— Тогда телега проходила.

— Телега и теперь пройдёт.

— Не всякая.

— Написано не «проезд».

Марина посмотрела на него. Он сам только что сделал то, в чём обвинял её: стал отделять одно слово от другого, потому что теперь от слов зависела мастерская.

— Значит, нам обоим нужна точность, — сказала она.

Лариса положила фотографию на стол.

— Вы будто хотите поймать нас на букве. Люди подписывали, понимая, что Гена строит не на месяц.

— Верю, — сказала Марина. — Но они могли понимать по-разному. Мама могла считать, что разрешает пользоваться, пока всё остаётся общим. Геннадий мог считать, что вложения дают ему постоянное место. Обе мысли могли существовать одновременно, пока никто не решил продать долю.

— Мёртвых теперь не спросишь, — тихо сказала Нина.

В комнате на несколько секунд остался только шум чайника. Марина выключила его, но воду не налила. Фраза Нины прозвучала не как довод, а как просьба не заставлять её отвечать за всех, кого больше нет.

Следующий файл содержал более позднюю расписку. Мать Марины подтверждала, что получила от Геннадия двадцать тысяч рублей «в счёт материалов и работ по ремонту печи и крыши». Ни земли, ни мастерской в тексте не было.

— А эту зачем хранишь? — спросила Марина.

— Потому что тогда договорились: я ремонтирую старый дом, а мне не мешают достраивать мастерскую.

— В расписке этого нет.

— На словах было.

— Кто слышал?

— Лариса. Нина Павловна заходила.

Нина нахмурилась.

— Я помню, что ты крышу делал. Про обмен не помню.

— Потому что пятнадцать лет прошло.

— Может, говорили. Я не стану клясться.

Геннадий откинулся к стене. Табурет качнулся на неровной половице.

— Удобно, — сказал он. — Пока всё чинить надо, все помнят. Как землю делить — никто ничего не помнит.

Марина почувствовала, как Нина рядом подобралась. Можно было ответить, что Геннадию тоже удобно помнить только полезное. Но от такого ответа бумаги не становились яснее.

— Давай запишем отдельно, что ты утверждаешь, — сказала она. — Не как доказанный факт и не как ложь. Дата примерно такая-то, ремонт крыши и печи, устная договорённость о расширении мастерской. Лариса подтверждает, Нина не уверена.

— А ты кто, следовательно?

— Одна из собственников. И дочь человека, с которым ты договаривался. Я не могу говорить за маму больше, чем написано её рукой.

— Зато забрать можешь.

— Пока я ничего не забрала.

— Инженера вызвала.

— Чтобы измерить.

— Измеряют всегда перед тем, как отрезать.

Светлана встала и сняла чайник с плиты, хотя он уже был выключен. Разлила кипяток по разным чашкам. Геннадию досталась чашка с бледными незабудками, которой он обычно не пользовался. Он всё же взял её.

— У нас тоже были расписки, — сказала Светлана. — После папы коробка осталась. Там за доски, за насос, ещё какие-то. Завтра посмотрю.

— Посмотри, — ответил Геннадий. — Только не потеряй то, что невыгодно.

— Не начинай.

— Я уже пятнадцать лет здесь начинаю заново. Сначала сарай поставь, потом утепли, потом дым соседям мешает — переделай трубу, потом электричество слабое — тяни другую линию. Всё сделал. Теперь выясняется, что бумаги не теми словами написаны.

— А линия откуда идёт? — спросила Марина.

— От общего столба, счётчик мой.

— Кабель по чьей земле?

— Опять?

— Не чтобы выключить. Чтобы инженер увидела.

— Вдоль забора. Как все знают.

Марина записала на отдельном листе: кабель к мастерской

вдоль северного забора, проверить на съёмке. Геннадий следил за её ручкой и сердился уже на сам звук по бумаге.

В папке нашёлся рисунок, сделанный синим карандашом. Прямоугольник участка, три домика, колодец кружком и дорожка между двумя параллельными линиями. Подписи не было. Размеры отсутствовали. Мастерская изображалась маленьким квадратом у забора, теплица — длинным прямоугольником напротив. Между ними оставалось на глаз больше места, чем сейчас.

— Кто рисовал? — спросила Марина.

— Степан, — сказала Светлана. — У папы такие стрелки.

— Для чего?

— Когда воду хотели заводить. Считали длину трубы.

Геннадий ткнул пальцем в квадрат.

— Видите? Мастерская на месте.

— Сарай на месте, — поправила Светлана. — И проход прямой.

— Рисунок не в масштабе.

— Вот именно.

Они снова замолчали. Один и тот же лист помогал каждому ровно наполовину. Он подтверждал старое хозяйственное устройство и не отвечал ни на один нынешний вопрос.

Марина разложила на столе три главные бумаги: согласие на сарай, согласие на пользование землёй и расписку о ремонте. Рядом положила старую фотографию и рисунок.

— Можно я сфотографирую?

Геннадий накрыл ладонью первый лист.

— Зачем?

— Отправить инженеру до выезда. Пусть скажет, что ей нужно увидеть в оригинале.

— А потом это окажется где-нибудь в суде.

— Если дойдёт до суда, фотография всё равно не заменит оригинал. Я не хочу суда.

— Все так говорят вначале.

Лариса посмотрела на мужа.

— Дай снять. Там нет ничего стыдного.

— Стыдного нет. Земли нет.

— Земли в бумаге нет, — сказала Марина. — Но согласие строиться есть. Если бы ты не показал, мы могли бы спорить, было ли оно вообще. Теперь не будем.

Геннадий убрал руку.

— Снимай при мне.

Марина положила листы на пустой подоконник и сфотографировала каждый с двух сторон. Потом сняла общий вид папки и вернула всё в те же файлы. Сделала список с датами, чтобы документы не смешались.

— Оригиналы остаются у тебя, — сказала она. — На съёмку принесёшь сам.

— Если принесу.

— Тогда инженер увидит фотографии и отметит, что оригиналов не видела.

— Опять отмечать.

— Да.

Нина наконец выпила чай, уже остывший. Её рука дрожала сильнее обычного, и чашка тихо стукнула о блюдце.

— Я ему разрешала, — сказала она. — Не делайте вид, что нет. После Павла одна осталась, забор падал, насос то работал, то нет. Гена помогал. Мы разрешали.

— Я не делаю вид, — ответила Марина.

— Но землю не дарила. У меня и мысли такой не было. Думала, все свои, чего делить. Сарай стоит и стоит. Если бы сказала, что навсегда отдаю кусок, я бы запомнила.

Геннадий поднялся.

— Вот и поговорили.

— Нина сказала две вещи, — остановила его Лариса. — Не только вторую.

— Вторую все и слышат.

Он собрал бумаги быстрее, чем Марина успела проверить порядок. Резинка на папке не держалась, и Лариса завязала её кухонным шнурком.

У двери Геннадий повернулся к Нине.

— Печь я вам дарил?

— Нет, — сказала она. — Ты работал, мы платили сколько могли.

— Десять тысяч за крышу и печь.

— И огурцами кормила, — попыталась улыбнуться Нина.

Он не улыбнулся.

— Вот так всё и было. Сколько могли. А остальное — по-

тому что место дали.

— Может, ты так считал, — сказала Нина. — А я считала, соседи помогают друг другу.

Геннадий вышел. Лариса задержалась на пороге.

— У него эта мастерская не хобби, — сказала она. — Оттуда половина наших денег. Если проведёте линию по стене, что ему делать?

— Мы ещё не проводим линию, — ответила Марина.

— Но вы уже смотрите, где она пройдёт.

— Потому что сейчас линия есть только у каждого в голове.

Лариса ушла за мужем.

Светлана вылила холодный чай в раковину и спросила Нину, зачем та подписывала лист без размеров.

— А какие размеры? — удивилась Нина. — Сарай стоял. На его месте и разрешили.

— Потом сарай стал вдвое больше.

— Не сразу же.

— Ты каждый раз разрешала?

— Наверное.

— Наверное или да?

— Не помню я, Света. Он доски привозил, спрашивал: «Не помешает?» Мы говорили: «Делай». Что мне теперь сочинить точные слова?

Марина коснулась Светланы за локоть.

— Не надо от неё точных слов, если она их не помнит.

— А от нас потом потребуют точные метры.

— Метры снимут сейчас. Прошрое ими не измерить.

Светлана посмотрела на неё сердито, но спорить не стала.

Ушла в пристройку искать отцовскую коробку.

Нина осталась за столом. Перед ней лежал круглый след от Геннадиевой папки.

— Твоя мама не хотела с ним ссориться, — сказала она.

— Я знаю.

— И не боялась, что он дом заберёт. Тогда городская квартира была, дача была. Земля стоила копейки. Думали, главное, чтобы не пустовало.

— А теперь у меня квартиры нет.

— Вот именно. У каждого теперь главное другое.

Марина протёрла стол, хотя след не исчез. Он был старым, въевшимся в клеёнку.

— Я не хочу объявить его постройки незаконными только потому, что мне понадобилось жильё.

— Тогда чего хочешь?

— Понять, что можно оставить, где нужен проход и за какую землю должен быть отдельный разговор. Не расплачиваться твоей долей за старую помощь. И не делать вид, будто помощи не было.

Нина кивнула, но по её лицу Марина не поняла, успокоили ли её эти слова.

На следующий день Светлана принесла картонную коробку из-под обуви. Они открыли её на веранде, чтобы не зани-

мать кухню. Внутри лежали гарантийные талоны, членские книжки, квитанции за свет и несколько тетрадных листов.

Один был подписан отцом Светланы: «Получил от Г. Котова деньги на общий насос». Сумма стояла небольшая, назначение ясное. Второй содержал список работ: укрепить два столба, заменить сетку, расчистить канаву. Напротив некоторых строк стояли галочки. Внизу: «За это не возражаем против пользования старым дровником». Слова «земля» опять не было.

— Получается, отец тоже считал это обменом, — сказала Светлана.

— Пользование дровником, — ответила Марина.

— Но Гена не мог пользоваться им, не ступая на землю.

— Конечно.

— Тогда почему ты всё время разделяешь?

— Потому что постройка и участок под ней теперь стоят разных денег и могут принадлежать разным людям. Тогда это никому не мешало. Сейчас мешает.

Светлана присела на ступеньку.

— Если его заставят платить за землю, он скажет, что уже заплатил работой.

— И это надо учитывать в переговорах. Но мы не можем сами назначить цену пятнадцатилетней помощи и вычесть её из общей земли. Тем более из Нининой и твоей долей без согласия.

— Ты говоришь как Даша на работе.

— Она бы спросила смету.

— А у нас вместо сметы огурцы.

Марина улыбнулась. Светлана тоже, но ненадолго.

Они нашли ещё две фотографии. На одной мастерская уже имела пристройку, но между ней и теплицей стояла тележка с широкими колёсами. На другой Геннадий прокладывал кабель, а Нина держала моток. Фотографии говорили о согласии громче расписок. И так же молчали о границах.

Марина отправила снимки Алле Григорьевне. Та перезвонила только вечером.

— Для съёмки эти бумаги ничего не меняют, — сказала инженер. — Я фиксирую, что находится на земле. Для соглашения между вами они важны как история пользования. Юридическую силу пусть оценивает юрист, если потребуются.

— Там есть согласие всех прежних собственников.

— На что именно?

— На сарай и пользование землёй возле него. Без размеров.

— Тогда я так и подпишу на рабочей схеме: фактическое строение, основание со слов сторон и представленные документы без координат. Не просите меня определить по расписке границу. Я не смогу.

— А если Геннадий считает, что земля уже оплачена работами?

— Это не геодезический вопрос.

— Понимаю.

— И ещё. Пусть на выезде будут все собственники и пользователь построек. Иначе я покажу числа, а вы потом будете пересказывать их друг другу с нужной интонацией.

Марина записала время и обзвонила остальных. Светлана поменяла смену. Нина сказала, что никуда не уйдёт. Геннадий сначала ответил, что занят, затем спросил, сколько продлится съёмка.

— Алла Григорьевна сказала, около трёх часов.

— Мне за три часа никто не заплатит.

— Перенести на субботу?

— В субботу у меня заказов больше.

— Назови время, когда сможешь.

— Я не обязан присутствовать при разделе чужой земли.

— Твоя мастерская стоит на этой земле. И бумаги твои надо показать в оригинале.

После паузы он согласился на первый час, потом обещал оставить Ларису.

В стационаре в тот день Марина меняла повязку Валентине Сергеевне после операции. Женщина каждый раз говорила, что дома дочь всё обрабатывает, и просила отпустить её раньше. Марина показывала ей дату следующей перевязки на листе назначений.

— Мы же договорились, — сердилась пациентка.

— Договорились прийти в понедельник и четверг.

— Я поняла, что в четверг, если будет плохо.

— Здесь не написано «если будет плохо».

Марина произнесла это и услышала вечерний разговор на Нининой кухне. Пациентка не обманывала. Она действительно унесла из кабинета другое условие. Запись не делала её виноватой, а Марину правой во всём; запись только позволяла увидеть, где их понимание разошлось.

Она не стала читать женщине нотацію. Объяснила, почему повязку нужно менять по сроку, позвонила дочери и записала для обеих два следующих дня крупными цифрами.

После смены Марина зашла в мастерскую. Геннадий точил цепь, защитные очки поднял на лоб. На верстаке лежала синяя папка.

— Я говорила с инженером, — сказала Марина. — Она не определяет права по распискам. Только покажет строения и расстояния.

— Удобная работа.

— Точная. И ещё она просит оригиналы.

— Дам посмотреть.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени.

Марина оглядела мастерскую. Здесь стояли два верстака, стеллаж с коробками, сварочный аппарат, разобранный газосварочный аппарат. На стене висели заказы с телефонами клиентов. Помещение не выглядело ни временным сараем, ни попыткой захватить лишний угол. Геннадий построил рабочее место и много лет жил так, будто вопрос решён.

— Я признаю, что прежние хозяева разрешили тебе строиться, — сказала Марина. — И что ты вкладывался не тайком.

Он выключил станок. Тишина после визга стала плотной.

— А дальше «но».

— А дальше в разрешениях нет продажи земли и нет линии, до которой можно строить. Это не значит, что мастерскую завтра снесут. Это значит, что нам всё равно нужно договориться сейчас.

— Заново заплатить.

— Возможно, выкупить ту часть, которой ты пользуешься. По оценке и с согласием всех. Возможно, будет другой вариант. Я пока не знаю.

— А за мои работы кто вычтет?

— Покажешь всё, что сохранилось. Обсудим. Только я не могу одна отдать тебе общую землю в счёт маминой печи.

Геннадий провёл пальцем по зубцу цепи, проверяя заточку.

— Твоя мать сказала: строй, никто не выгонит.

— Верю, что могла сказать.

— Не «могла». Сказала.

— Хорошо. Я верю тебе. Но мама не могла обещать за Светлану и Нину навсегда. И не могла знать, что мастерская станет такой большой, если тогда был сарай.

— Знала. Видела каждый год.

— Видеть и передать землю — не одно и то же.

Он опустил очки на глаза, хотя станок ещё не включил.

— Для вас теперь не одно. Для нас тогда было одно.

— Поэтому и трудно.

Марина не стала убеждать его, что трудность распределена поровну. Его дому и работе действительно угрожала неопределённость сильнее, чем её пустым грядкам. Но её жильё, Нинин доступ и Светина доля тоже не были пустотой.

У выхода она остановилась возле угла пристройки. На старой фотографии здесь кончалась стена. Теперь от прежнего угла до нового было четыре широких шага. Марина не стала мерить их рулеткой. Через несколько дней это сделает инженер.

Вечером она распечатала фотографии расписок в аптечном киоске у остановки. На каждом листе сверху написала простыми словами: «что подтверждает» и «чего не определяет».

Первая подтверждала согласие на сарай и электричество; не определяла размер занятой земли и последующие расширения. Вторая подтверждала согласие трёх женщин на пользование местом у дровника и обязанность сохранить проход; не содержала продажи, цены и ширины прохода. Третья подтверждала оплату ремонта старого дома; не связывала её письменно с землёй. Фотографии подтверждали открытое строительство и участие семьи; не показывали согласованную границу.

Листы Марина положила в свою зелёную папку рядом с

выпиской. Отдельно записала слова Геннадия об устной договорённости и слова Нины о том, что она разрешала строиться, но землю не дарила. Не поставила рядом галочек «правда» и «неправда».

Даша позвонила поздно. Спросила, нашлась ли бумага, которая позволит продать долю.

— Нашлись бумаги Геннадия, — ответила Марина.

— И что там?

— Ему разрешили строить сарай и пользоваться местом. Землю не продавали. Границ нет.

— Значит, постройка незаконная?

— Не делай такой вывод.

— Мам, если земля ваша, а дом его, что ещё?

— Ему разрешали. Все знали. Он вкладывался. Просто никто не оформил, чем заканчивается разрешение.

— И теперь это должна оплачивать я ожиданием?

Марина села на край кровати. В дальней комнате пахло свежей известью возле розетки и сырой стеной под окном.

— Нет. Ты не должна. Но я всё равно не назову тебе срок до съёмки.

— Я уже поняла.

— Я пришлю тебе документы, если захочешь посмотреть.

— Я не юрист.

— Я тоже.

— Тогда найдите юриста.

— Если не договоримся после схемы, найдём.

Даша помолчала.

— Ты раньше сказала бы: разберёмся по-семейному.

— Мы и разбирались. Вот результат.

— Звучит жестоко.

— Не хочу жестоко. Хочу, чтобы никто потом не говорил, что согласился на другое.

После разговора Марина вышла на крыльцо. В мастерской ещё горел свет. Геннадий прошёл от ворот до двери, поднял с дорожки забытый кем-то совок и поставил под навес. Потом проверил замок на общей калитке. Всё вокруг он делал как хозяин: не потому, что однажды присвоил себе это слово, а потому, что годами первым замечал сломанное и последним гасил свет.

Этого не было в выписке. Этим нельзя было начертить границу. Но и вычеркнуть это из будущего раздела Марина не могла.

Она открыла свою папку и перечитала вторую расписку. «Проход к колодцу оставить». Из всех старых слов именно эти обращались не к прошлому, а к нынешнему участку. Прежние хозяева не написали, какой ширины должен быть проход и кто уступит для него землю. Они только оставили обязанность, которую каждый исполнил по-своему.

Через несколько дней на землю поставят прибор, и вместо воспоминаний появятся расстояния. Марина уже понимала: числа не выберут виноватого и не скажут, кому пожертвовать нужным. Они лишь не позволят дальше называть одним

словом разные вещи.

Согласие строиться было.

Продажи земли не было.

Точной границы не было тоже.

Впервые эти три правды лежали рядом и не отменяли друг друга.

Глава 7. Восемнадцать соток

Алла Григорьевна приехала в половине восьмого на белой машине без опознавательных знаков. Из багажника достала жёлтый штатив, чёрный чемодан и вешку с круглым отражателем. Геннадий, ждавший у ворот с синей папкой, посмотрел на приборы и спросил:

— Спутник землю делит?

— Спутник показывает, где мы стоим, — ответила она.

— Делить будете вы.

Марина открыла калитку своим ключом. На внутренней стороне ещё сохранялась меловая надпись про общий выезд, хотя дождь размывал края букв. Нина поставила возле крыльца четыре складных стула. Светлана принесла термос и бумажные стаканчики, будто ожидалось долгое собрание.

Алла Григорьевна ничего не раскладывала на столе. Сначала обошла участок снаружи, сверяясь с планшетом. Останавливалась у столбов, смотрела вдоль заборов, фотографировала углы. Потом вернулась к воротам.

— По сведениям реестра у вас один участок площадью тысяча восемьсот квадратных метров, — сказала она. — Доли принадлежат трём собственникам. Внутренних границ в реестре нет. Сейчас я снимаю фактическое положение внешней ограды, строений и того, чем вы пользуетесь. Это ещё не межевой план раздела.

— Восемнадцать соток есть? — спросила Нина.

— Площадь в документах есть. Совпадёт ли она с оградой на местности, узнаем после обработки.

— Забор сорок лет стоит.

— Возраст забора не превращает его в координату.

Нина обиделась, но Марина поняла, что инженер не спорит с ней. Она просто отказывалась заранее обещать совпадение.

Алла Григорьевна установила штатив у дороги. Помощника у неё не было; вешку согласился носить Геннадий. Он держал её строго, пока инженер снимала углы ворот и край канавы. Работа сначала казалась Марине почти бессмысленной. Прибор молчал, Алла Григорьевна нажимала на экран, Геннадий переходил на два шага, снова замирал. Но постепенно участок распадался на точки, которые нельзя было передвинуть рассказом.

У северного забора обнаружилось, что крайняя железная стойка стоит не на одной линии с остальными. Забор возле мастерской выгибался наружу примерно на полметра.

— Это сосед разрешил, — сказал Геннадий. — Там раньше канава шла криво.

— Сосед какой? — спросила инженер.

— Семёнов. Он умер. Сын сейчас владеет.

— Документ о согласовании есть?

— Мы не границу двигали, а сетку выпрямили.

Алла Григорьевна посмотрела вдоль сетки.

— Выпрямили дугой?

Геннадий хотел ответить, но передумал.

Инженер отметила стойку красной наклейкой и попросила не трогать до конца работ. Потом перешла к старому каменному столбу в крапиве. Нина утверждала, что именно от него всегда считался угол участка. Светлана помнила другой ориентир — остаток бетонной трубы в двух метрах от столба. Марина оба предмета видела в детстве, но не знала, какой из них был границей.

— Снимаем оба, — сказала Алла Григорьевна. — На рабочей схеме подпишу: старый столб и труба. Решать по воспоминанию сейчас не будем.

— А по чему будете? — спросила Светлана.

— По сведениям реестра, исходным документам, фактической ограде и согласованию с соседями. Если они расходятся, ищем допустимый вариант. Иногда без суда не получается, но до этого вам далеко.

Слово «суд» заставило Геннадия оглянуться на Марину. Она сделала вид, что не заметила.

Наружный обход занял почти час. На южной стороне куст сирени пророс через сетку так, что точку забора нельзя было увидеть. Геннадий принёс секатор, но инженер остановила его.

— Не рубите пока. Я возьму две точки по сторонам и линию восстанавливаю при обработке.

— А потом скажете, что куст не там растёт? — спросила

Нина.

— Куст может расти где угодно. Нас интересует ограда под ним.

Марина записывала названия ориентиров и номера фотографий, которые вслух диктовала Алла Григорьевна. Не потому, что инженер просила, а чтобы вечером не осталось общего воспоминания «она что-то мерила возле сирени».

Когда открыли зелёные ворота, машина Ларисы стояла во дворе Котовых. Геннадий отогнал её на улицу. Алла Григорьевна сняла ширину ворот, расстояние до мастерской и поворот к старому дому.

— Нам нужен проезд для скорой, — сказала Нина.

— В прошлый раз вам нужен был проход к колодцу, — напомнила Светлана.

— И скорой тоже нужен.

Инженер выпрямилась.

— Давайте не назначать дорожке функцию на ходу. Сначала скажите, к чему должен быть обеспечен доступ.

Все заговорили сразу.

Геннадий сказал, что к его двору должна входить легковая машина и прицеп. Светлана — что ей нужен подход к пристройке и возможность подвезти доски или баллон. Нина потребовала проезд к старому дому. Марина назвала колодец, сарай и будущее отдельное жильё. Лариса, до этого стоявшая у крыльца, добавила вывоз септика у дома Котовых.

Алла Григорьевна подняла ладонь.

— Вот поэтому сначала съёмка. Одной полосой вы называете пять разных нужд. Для человека достаточно одного, для тачки другого, для легковой машины третьего. Технический доступ к строениям и законное право прохода — тоже не одно и то же. Я нанесу существующие пути и размеры. Потом будете выбирать, что сохранять и оформлять.

— А норма какая? — спросил Геннадий.

— Для чего именно?

Он махнул рукой.

— Понятно.

— Нет, пока непонятно. В этом и работа.

Самое узкое место между мастерской и теплицей Алла Григорьевна измерила дважды. Лазер показал 2,27 метра по стенам. У выступающего водостока оставалось 2,18. Маринина рулетка ошиблась всего на сантиметр, но новая цифра всё равно ощущалась иначе: её произнёс человек, который не претендовал ни на одну долю.

— Моя машина проходит, — сказал Геннадий.

— Проходит, — подтвердила инженер. — Я фиксирую существующий проезд. Соответствует ли он нужному вам варианту доступа, решим по проекту.

— Значит, можно оставить.

— Я этого не сказала.

— Но и нельзя не сказали.

— Верно.

Геннадий впервые за утро улыбнулся. Его устроила хотя

бы симметрия неопределённости.

Теплицу снимали по четырём углам. Светлана потребовала отметить бочку для воды и бетонное основание старой печки возле пристройки. Алла Григорьевна согласилась нанести основание как объект фактического пользования, но бочку фотографировать не стала.

— Она переносная.

— В ней тонна воды, — возразила Светлана.

— Когда наполнена. Границу из-за неё не проводят.

— Но если землю отрежут, мне её некуда ставить.

— Это скажете при обсуждении схемы. Сегодня я не отрезаю землю.

Фраза повторялась уже третий раз. Марина заметила, как легко каждый превращал человека с прибором в судью, лишь бы не принимать решение самим.

У мастерской Геннадий раскрыл синюю папку. Разложил расписки на верстаке и показал оригиналы через открытую дверь. Алла Григорьевна сверила даты с фотографиями Марины, записала названия документов и вернула их.

— Вот тут написано, что проход оставить, — сказал Геннадий. — Он оставлен.

— Я вижу текст.

— Два двадцать семь.

— В самом узком месте два восемнадцать из-за водостока.

— Его можно поднять.

— Можно. Запишу как съёмный выступ.

— А мастерскую нельзя поднять.

— Её я снимаю как капитальное по виду строение, но статус проверите по документам.

— Какой ещё статус?

— Зарегистрирована она или нет, на каком основании возведена, требует ли регистрации. Это не определяется по толщине стены.

Геннадий убрал папку медленнее, чем достал. До этого разговора он защищал землю расписками о сарае. Теперь выяснилось, что и сама мастерская может потребовать отдельного ответа.

— Не пугайтесь раньше времени, — сказала инженер. — Сначала поднимите сведения. Я сейчас только наношу объект.

Лариса попросила Марину помочь вынести из-под навеса два велосипеда. За ними обнаружился старый деревянный колышек, вбитый почти у стены мастерской.

— Вот граница была, — сказал Геннадий.

— Чего? — спросила Алла Григорьевна.

— Нашего двора.

— Кто поставил?

— Степан.

Светлана присела и потрогала верх колышка.

— Папа так помидоры подвязывал.

— Здесь помидоров не было.

— Были до мастерской.

— Это метка угла.

— Какого угла, если у вас земли не было?

Алла Григорьевна сняла координату колышка и приклеила рядом маленькую синюю метку.

— Подпись будет «деревянный кол, назначение со слов сторон различается». Больше он сегодня не доказывает.

Геннадий рассмеялся без веселья.

— Значит, и прибор не знает.

— Прибор знает место с точностью до сантиметров. Назначение предметам дают люди.

К десяти часам солнце поднялось выше крыши и стало жарко. Нина ушла в дом за лекарством. Марина принесла ей воду и увидела, что тётя сидит на кровати в дальней комнате, прижав пальцы к виску.

— Давление?

— Просто шумят.

Марина достала тонометр. Давление было выше обычного, но не опасным. Она дала Нине её назначенную таблетку и попросила полежать.

— Без меня всё поделят, — сказала Нина.

— Сегодня ничего не делят.

— Она так говорит, а вы вокруг домов с палками ходите.

— Мы измеряем то, что уже стоит. Когда будет схема, ты увидишь каждый вариант до согласия.

— А если я ни на какой не соглашусь?

— Тогда раздела по соглашению не будет.

— И ты останешься без комнаты.

— Возможно.

Нина посмотрела на неё внимательно, проверяя, не угрожали это.

— Ты меня не торопишь?

— Нет. Но и делать вид, что всё может остаться как сейчас, не буду.

— Генка скажет, я его предала.

— Если ты попросишь сохранить доступ к дому, это не предательство.

— А если мастерскую придётся ломать?

— Мы ещё не знаем.

Марина оставила дверь открытой и вернулась во двор.

Алла Григорьевна ставила прибор у колодца. К нему вели две дорожки: новая песчаная от старого дома и узкая земляная от двора Котовых. Сам колодец стоял ближе к предполагаемой Нининой части, но пользовались им все.

— Он в документах есть? — спросила инженер.

— Нет, — ответила Марина.

— Кто обслуживает?

— Все понемногу, — сказала Светлана.

— В прошлом году я кольца промазывал, — добавил Геннадий.

— Насос покупали вместе, — сказала Лариса.

— Вода для полива, — уточнила Марина. — Питьевую берём из водопровода у улицы.

Алла Григорьевна записала это и сняла крышку, бетонное кольцо и подходы.

— При разделе колодец можно оставить на одном участке с оформленным доступом другим собственникам либо включить в такую конфигурацию, где подход возможен без отдельного обременения. Слово «общий» на местности само по себе права не создаёт.

— Опять бумага, — сказал Геннадий.

— Вы сами принесли папку бумаг.

Он не нашёлся что ответить.

Дальше измеряли старый дом. Его веранда выступала к дорожке, а задняя стена стояла ближе к забору, чем все думали. Нина вышла, несмотря на просьбу Марины лежать, и показывала, где раньше находились ступени и летний умывальник.

— Старые ступени не нужны, — сказала инженер. — Нынешнее крыльцо снимаю.

— А если Марина комнату отремонтирует, крыльцо будет другим.

— Тогда изменение надо будет учесть после работ. Сейчас фиксируем существующее.

Марина увидела, что будущее жильё тоже не может возникнуть простым решением «вот эта комната моя». Для отдельного пользования требовались вход, подход, отопление, вода, место у стены для ремонта. Линия через дом не превращала половину комнат в отдельный дом.

— Можно выделить землю под частью строения? — спросила она.

— Если само строение остаётся в общей собственности, один только раздел земли не решит пользование комнатами. Сначала соберём документы на дом.

— В выписке он обозначен как садовый.

— Право у кого?

— У Нины.

Нина встрепелулась.

— Дом мой. Его Павел строил.

— Я не спорю, — сказала Марина.

Алла Григорьевна посмотрела на неё поверх планшета.

— Тогда не связывайте автоматически свою долю земли с комнатой в чужом доме. Это два разных объекта.

Марина почувствовала, как под рёбрами стало пусто. Она знала, что дом оформлен на Нину, но всё это время думала о дальней комнате как о возможной части своего возвращения. Тётя пускала её жить, разрешила провести линию, обсуждала печь. Ничего из этого не делало комнату Марининой.

— Ясно, — сказала она.

— Что ясно? — спросила Нина.

— Что ремонт комнаты надо обсуждать отдельно от земли.

— Живи, кто тебя гонит.

— Никто. Но я не хочу вложить деньги, а потом выяснить,

что мы понимали разрешение по-разному.

Геннадий стоял в нескольких шагах и слышал разговор. Марина не посмотрела на него, но почувствовала его внимание. Теперь те же слова вернулись к ней.

— Напишите расписку, — сказал он.

Светлана фыркнула. Нина растерянно посмотрела на Марину.

— Напишем, — ответила Марина. — Только сначала решим, о чём именно.

Геннадий кивнул. Это был первый за утро момент, когда они не спорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.